АТОМНЫЙ ГОРОД
Юрий Гаврюченков
РАБОТОРГОВЦЫ
СВАЛКЕР ПУСТОШЕЙ
Святой Руси нужны герои,
добрый люд пускай тусуется за рубежом!
«КРЫЛОВ»

Юрий Федорович Гаврюченков

Работорговцы. Свалкер пустошей

Серия «Атомный город»

Серия «Работорговцы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74695006
Ю. Ф. Гаврюченков. Работорговцы. Свалкер пустошей: ИК «Крылов»; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-4226-0432-6

Аннотация

Через триста лет после Третьей мировой войны Россия оказалась разорванной на множество суверенных государств с различными социально-политическим укладами. Чтобы сохранить престол в Великом Новгороде, князь Святой Руси отправляет в боевой поход своего проверенного товарища – боярина Щавеля из Тихвина. Конная дружина опричников проходит по городам и весям, наводя порядок и отлавливая рабочую силу.

Главная цель командира Щавеля – столица Железной Орды город Белорецк, место пребывания главной мировой угрозы – хана Беркема. Путь к Белорецку лежит через

леса и радиоактивные Пустоши, наполненные смертельными ловушками, ужасными мутантами, свирепыми басурманами, пришельцами из иных миров, а также охотниками за инопланетным хабаром, которые могут довести до места назначения или до лютой погибели.

В Орде знают о приближении отряда и сильно тревожатся. Ведь всем известно, что Святая Русь – признанный экспортёр духовности, результат воздействия которой на технически развитые страны если не сокрушительный, то в любом случае долгоиграющий.

Содержание

Глава Первая	6
Глава Вторая	15
Глава Третья	25
Глава Четвёртая	41
Глава Пятая	58
Глава Шестая	68
Глава Седьмая	75
Глава Восьмая	87
Глава Девятая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Юрий Гаврюченков
Работорговцы. Свалкер пустошей

© Ю. Гаврюченков, 2023
© ИК «Крылов», 2023

* * *

– Люди – оне мудаки, – отрезюмировал охотник Чулков, – вечно с ими чё-то случается.
Михаил Кречмар, «Естественная история»

Глава Первая

в которой раболовецкий отряд используется по прямому назначению, Жёлудь увлекается догхантингом, а Щавель проявляет познание в магии огня

К селу Питомник подошли рано утром, чтобы добыча не скрылась в темноте, но и не успела рассеяться по работам. Оставили коней в полуверсте от околицы, сняли с телег ловчие сети, нацепили на пояса связки сыромятных ремешков. Кандалы и конвойные цепи дожидались своего часа, и час этот был неотвратимо близок. Дружинники с булавами встали в оцепление. Десятка верховых с копьями примкнула к раболовам в усиление. Сотня муромской пехоты растянулась во втором кольце, едва сдерживая рвущихся с поводков эйчарок. Задачей оцепления было загонять улизнувших кандидатов обратно к хедхантерам, дабы ценные специалисты не скрылись от будущего работодателя.

Знатный работорговец Карп занял подобающее место во главе отряда. Боевой поход вошёл в самую ответственную фазу, и настал его черёд командовать.

Три десятки ратников и пяток профессионалов из кадрового агентства Карпа составили группу захвата. Впереди встали Щавель, Жёлудь и Лузга. Рекрутёры изготовились к работе, как стрела в натянутом луке. Карп достал из-за па-

зухи волшебную плеть, сплетённую из человечьего волоса, пробасил коротко и деловито:

– Господа, пошли.

Когда раболовы, не таясь, втянулись за ограду, их встретили лохматые сторожа. Псы с яркой рыжей шерстью водились здесь в каждом дворе. Местные знали толк в кинологии, разводили собак для своих нужд, в том числе на продажу. Холили, лелеяли, ели, шили из них шубы, дрессировали и любили на все лады.

Группы разошлись по главным улицам. Начали с ближайших дворов, разделяясь на тройки. Навстречу Щавелю выскочили кобель и сука знаменитой породы «мордовская сторожевая». Это были зубастые псы, ласковые к детям своих хозяев, но исходящие бешеной злобой при малейшем признаке чужаков. От рождения знающие, как поступать, если замахиваются ножом. Щавель знал эту породу защитников. Знал и стоящий рядом Лузга.

– Фу! А ну пошли, гнидники др-раные! – рявкнул Лузга, обнажая клинок.

При виде ножа кабыздохи резво осадили назад, развернулись и прыснули наутёк. Остановились, залаяли, отбежали снова при виде приближающейся толпы, но с дороги не уходили – демонстрировали хозяевам свою полезность.

– Возьми лук, – зыркнул Лузга на Жёлудя, – и всех собак в деревне…

Молодой лучник покосился на отца: «Надо ли? Слушать

ли его?» Щавель едва заметно улыбнулся: «Поохоться, сынок».

До пса было шагов семьдесят, когда Жёлудь вскинул красный греческий осадный лук. Стрела ушла ввысь и на излёте догнала суку промеж лопаток. Мордовская сторожевая перевернулась через голову и покатилась в пыли.

– В сердце попал! – скромно улыбнулся парень.

Тот день был последним для собак племени Огненных Псов, и не осталось никого, чтобы рассказать щенкам, что бояться следует не только ножа, но и лука. Везде и всюду, из проулка, через забор, под крыльцо, в будку летела оперённая смерть. В колчане помещалась дюжина стрел. Этого оказалось достаточно, если их выдёргивать, предварительно добрав добычу. Лай и визг стояли над селом. Щенков молодой лучник закалывал мечом, чтобы не расшатывать наконечники. Подранков было мало, но пяток стрел мордовские церберы всё же унесли в своих боках. Они забились в потаённые места и оттуда убежали на радугу.

Лузга поручил уничтожить собак, не упомянув про возраст. После Белорецкой зоны ему категорически не нравились никакие. Жёлудь понял по-своему.

И убил всех.

Пока Жёлудь охотился, раболовы охотились тоже.

– Мама, беги! – пацанёнок лет двенадцати от роду подхватил с земли брошенную убежавшим папашей сулицу и кинулся наперерез молодому ратнику, выскочившему из-за

амбара. – Мама, беги!..

Желток, не глядя, отмахнулся булавой. Отбил нацеленное в глаз тонкое жало сулицы, пнул каблуком молокососа. Однако малец оказался увёртлив. Подмётка проехалась по правому плечу паренька, перемазав полотно псиным помётом. Мальчонка мгновенно метнулся мимо матёрого молодца, метеором мелькнул между масляными макитрами, мощно матеря медлительную, мешкотную мамку. Порскнул вдоль забора, только пятки засверкали.

– Чего ты орёшь как оглашенный? – донёсся из дому похмельный бабий вой. – Выкидыш овечий. Чтоб тебя черти взяли, бесогона. Как же тяжко-то… Сын, сыночка, принеси маме из погребка пивасика, родненький, а?

Под хлюпающие стоны Желток подобрался к избе, сунул нос в протухшие сени, обозрел горницу. На лавке из шевелящегося тряпичного кома доносились невнятная брань и мольбы. Ратник покинул беспонтовое место. Святой Руси нужны герои, добрый люд пускай тусуется за рубежом.

Для решения кадровой проблемы новгородцы не жалели сил и здоровья. Крутились как могли, бесстрашно подставлялись под удар и не разили в отместку, лишь бы уберечь перспективную рабсилу. Однако легко справиться получалось далеко не со всеми.

Тройке Первуши достался упрямый кандидат. Он сразу понял, что в деревню нагрянула не лисичка-сестричка, а братец её песец. Когда по улицам бегают вооружённые люди и

хватают соседей, должно быть ясно, что не ярмарка приехала. Тем не менее, многие приближались посмотреть, расспросить и начинали невольно участвовать в рекрутинге. Такова нелёгкая доля зеваки – идёшь поглазеть, исполненный любопытства, весь в эйфории от праздника, а потом бежишь со связанными за спиной руками и верёвкой на шее, подгоняемый рявканьем конвоя. И крутятся в пустой голове мысли: «Со мной ли это? Как так вышло? За что? Почему несправедлива ко мне жизнь?»

Кузнец не отправился выяснять, какие предлагают бонусы, а загнал семью в дом и встретил ратников на пороге в шлеме и с копьём. Бился, не говоря ни слова. Лишь сурово сопел в ответ на заманчивые предложения хедхантеров и совал им в наносник длинный трехгранный наконечник. Обломать древко не получалось. Оно было оковано толстыми полосами стали. Кузнец знал своё дело, и лучшее копьё припас для себя. Прикрытый со спины и боков, он держал оборону, подтверждая наблюдение, что в родном доме и стены помогают. Стены помогали, кузнеца было не достать. Первуша отправил братца в обход. Вторяк не смог высадить заднюю дверь – она была грамотно укреплена и заложена засовом. Тогда он высадил раму, ухватился за подоконник, подпрыгнул, подтянулся.

Баба вылила ему на голову горшок нагретой в печке воды.

С воем ратник грохнулся на землю, промокнул лицо рукавом, содрал шлем. Башку не ошпарило, но шею и плечи

пекло невыносимо. Подкольчужная рубаха исходила паром. Десятник Фома, заглянувший проверить, почему застряла тройка, немедленно пустил в бабу булаву и ринулся на приступ. Чертовка увернулась. Булава влетела в избу, там звонко крякнуло, посыпались черепки.

– Держись! – Фома наступил на плечо напрягшемуся Вторяку, оттолкнулся, приземлился коленом на подоконник, ухватился за стену и впрыгнул на кухню.

На его счастье, других горшков с водой заготовлено не было. Просторный светлый дом был наполнен пением огня, шедшим из русской печи. Мягкий душистый жар вылетал в избу и творил уют, какого десятник не ведал с детства. Гостю тут всегда были рады. Дружинник почувствовал это и сердечно кивнул хозяюшке. Семья кузнеца сбилась в дальнем углу. Женщина прижимала к себе головёнки детишек, уткнувшихся ей в живот. Они вцепились в юбку, обретя у матери спасение. Так было надо. Кузнец научил, как нужно поступать в случае чего. Слабые затихли и ждали, когда уйдёт беда. В доме с ними не могло ничего случиться.

Фома, только что готовый разрубить мечом любого, кто на него кинется, вместо этого по-хорошему улыбнулся. Подобрал обронённую вещь, лежащую среди черепков, вышел в сени, даже не подумав взять заложников и тем подавить сопротивление строптивца, который без устали орудовал копьём, не подпуская рекрутёров. Тряхнул головой.

Свежий воздух за дверью отрезвил Фому. Когда ему в лёг-

кие вернулся сырой и холодный смрад болот, замешанный на привычном по службе коктейле из насилия, горя и боли, десятник с удивлением обнаружил, что не помнит, как сюда попал. Тем не менее, мужика надо было вязать. Он мог бы перешибить кузнецу позвоночник, но задачей было брать в плен, а не убивать ценных мастеров. Фома искусно отпрянул, увернулся от древка, подскочил ухватить противника за плечи, но мужик отлягнулся и угодил ему каблуком в пах. При этом он парировал удары Первуши и Третьяка. Фома скрючился и сел, шипя сквозь зубы. Уже четверо ратников увязли в осаде мастера, проявляющего чудесное умение, а тот не сходил с порога и не собирался сдаваться.

Щавель вторгся в дом через хлев. Бесстрастно оценил ситуацию – прыгающий на корточках Фома и работающий как исправная машина хозяин говорили сами за себя. Старый лучник прошёл в избу. Баба с детишками съёжились под ледяным взглядом, как вянут цветы в ночные заморозки. Щавель выискал глазами кувшин, накрытый тряпицей, взял, понюхал, удовлетворённо кивнул. Залил простоквашей огонь в печи. Оранжевые язычки исчезли все до единого. Из устья повалил кислый дым.

Бог Огня, как известно, смертельно обижается, если костёр затаптывают. Он может погнаться и отомстить, разгоревшись из непотушенного уголька в лесной пожар. Поэтому опытные странники засыпают затоптанный костёр, чтобы запомоенный бог не решился на прямое действие. Но не

только всесильная моча помогает в борьбе с элементалями, обладающими самосознанием. Молочные продукты ничуть не хуже. Щавель залил священный огонь простоквашей и тем обезопасил себя от мести. Живший в печке маленький бог огня тут же умер. Вместе с богом исчезла и сила, которая поддерживала защитника очага.

Удача хозяина дома иссякла, силы оставили его. Первуша сбил в сторону копьё, а Третьяк перехватил древко и дёрнул из рук кузнеца, выбросив его с порога. Мужик слетел по ступенькам. Заработали крепкие носы берцев. После серии расслабляющих ударов по рёбрам, на запястьях укрощённого умельца стянулись сыромятные вязки.

– Семью тоже в обоз, – приказал командир.

Село пустело. Вой и плач стояли над разорёнными дворами. Последний из уцелевших кандидатов на отправку в Святую Русь улепётывал к спасительному лесу. Плотнику высокой квалификации не хотелось терять привычное место работы, где он был востребован, и менять ставку с понижением, переходя на расценки в форме плётки и жидкой баланды. Он миновал раболовов, улизнул от внимания верховых хедхантеров, проник через оба кольца оцепления. «Не хочу я ваши вакансии!» – билась в заполошной голове актуальная мысль.

Спущенная с поводка эйчарка настигла его на опушке. Густой березняк был рядом, когда беглеца сбила с ног мохнатая торпеда. Большие когтистые лапы упёрлись в грудь, прида-

вили к земле, не пускали на волю. У самого лица распахнулась страшная зубастая пасть. Качнулись массивные золотые серьги в больших ушах. Пахнуло невыносимым зловонием элитного парфюма, когда эйчарка прорычала:

– Ваша профессия? Стаж?

Глава Вторая

в которой опричники наезжают на Новый Майдан, эпическая конная атака новгородской дружины сбрасывает в реку последних москвичей, и Мокрая Чеварда бушует кровавыми волнами

Изобилие пышности Великого Мурома восполнялось избытком дремучести его провинций. Извилистые грунтовки не располагали к мейнстриму. Столица жила словно сама по себе посреди обширных земель Великой Руси с её городками и деревнями, смутно подозревающими о руководящей роли государственной власти. Лежащие вдалеке от караванных путей области вековали наособицу, одолеваемые своими заботами. Кое-где обычаи перерастали в настолько самобытную традицию, что требовалось силовое вмешательство для пробуждения в мозгах старожилов осознания факта централизованного управления.

Город Новый Майдан находился к юго-юго-востоку от Арзамаса в 55 верстах полёта вороны, то есть напрямик. Вороне пришлось бы лететь над густыми лесами, малыми реками и непролазными болотами. Ни конный, ни пеший не пройдёт здесь по прямой. Даже местные, срезая путь, петляют окольными тропами. Что уж говорить о движухе Великого тракта, бурлящей где-то там, по ту сторону леса, почти в ином бы-

тии.

От Питомника Новый Майдан отстоял на девятнадцать вёрст просёлочной дороги. Раболовецкий караван, обременённый пешими невольниками, добрался до него на исходе дня. Час был самый урочный, о чём в своё время проинформировал Щавеля князь Пышкин. Сообразно облетевшему Русь гнилому поветрию, в отгороженном чащобами райцентре под вечер затеялись сходки недовольных. Московские беженцы просочились сюда и ввергли скорбных умом в столичный событийный ряд. С ними Великий Муром предпочёл разобраться руками варягов, отдавая должное покровительству Святой Руси. За военную поддержку во всех сомнительных ситуациях Великая Русь была готова платить дань головами своих граждан. Избиение и увод в рабство части населения из глубинки считались меньшим злом по сравнению с качанием прав свободной чернью и лапотниками, расплодившимися там за ненадобностью. В правящих кругах, близких к генерал-губернатору, это называлось «санацией периферии от нежелательного элемента».

Работорговцы встали на краю леса, возле телячьего выгона. За изгибом дороги, невидимые за рощицей, начинались выселки. От них доносились голоса скотины, да неслись в вечернее небо городские дымы. Выслали конную разведку. Дружинники вдевались в брони, разбирали копья. Новоиспечённые рекруты сидели возле телег и, по муромскому обычаю, заполняли анкеты. Не для новгородских работодателей,

а чтобы унять эйчарок. Пока не будет сдана последняя анкета, суки не успокоятся.

Жёлудь снарядил колчан, приладил на седле тул со стрелами. Поправил на поясе обнову, радуясь солидному приобретению. В доме кузнеца парень отыскал себе нож ходовой в здешних краях модели, именуемой «Арзамасская зубочистка». Добрые люди такие ножи не носят, носят люди предусмотрительные. Это был басурманский чиф с дамасковым клинком, откованным вперемежку из твёрдого и вязкого сортов стали. Большие поварские ножи длиной с локоть и обухом толщиной в полпальца великорусские умельцы закупали в Орде оптом. Сбивали заводскую рукоять, ставили гарду, вытачивали новую ручку и шили ножны. В условиях повсеместного распространения кремнёвого огнестрела, когда перезаряжать некогда, а валить противника надобно срочно, «арзамасские зубочистки» служили важным подспорьем в рукопашном бою. Они были удобны в ношении, обходились дешевле меча и годились для хозяйственных нужд. Результат от применения кухарей был всегда убедительный и полностью неживой.

Тройка Егора, Ивашки и Петра вернулась с докладом, что в центре Нового Майдана вовсю беснуется толпа. На помосте гражданские активисты толкают речуги, повсюду заметны модно одетые хипстеры и кое-где даже манагеры. Выпнутые из Москвы, из Владимира, из Великого Мурома, неприкаянные уроженцы Поганой Руси добрались аж досюда.

– Излишек позитивных и динамичных потребителей приводит к сытому бунту, – процедил Щавель, выслушав отчёт.

– Аксиома, – вздохнул Альберт Калужский, который в последнее время старался не отходить от командира. В рамках слаживания группы Щавель приказал своим попутчикам в Орду держаться вместе.

– Ты с такими словами поосторожнее, а то призовёшь на свою голову какую-нибудь греческую напасть, – предостерёг старый лучник и поправил: – Это не то, что ты сейчас сказал, а всего лишь верное наблюдение.

Литвин долго смотрел в сторону городка, закусив ус. Над Новым Майданом висели гряды серых с тёмно-синим низом облаков. Влажный воздух словно ватным одеялом покрывал бряцанье сбруи и доспехов, голоса ратников, топот коней, звон конвойных цепей и шелест анкет невольников. Лес, присмиревший перед дождём, казался напуганным ратью. Сотник подумал о кровавой каше, разбрызганной по набережной Великого Мурома и в водах Оки. О случайных жертвах, которые не были напрасными. Вздохнул.

– Отчего им спокойно не живётся? – сотник ни к кому не обращался, но шкандыбавший поблизости Лузга услыхал, встал, ткнул руки в карманы и пояснил:

– Потому что дурак-народец, – и брезгливо сплюнул. – Как мешок. Что в него сунут, то и несёт.

– Виной тому общая безблагодатность этой нашей Великой Руси, – сказал сам себе Литвин и скомандовал построе-

ние.

Щавель вскочил в седло. Десятники выровняли строй. Проехал вдоль дружины, оглядывая тусклую сталь кольчуг и шлемов. Развернул коня, остановился и ощутил на себе сконцентрированное внимание бойцов. Застыл как вкопанный. Звучные слова вылетали изо рта командира и без промаха попадали в уши личного состава:

– Пусть умоется кровью тот, кто усомнится в нашем миролюбии! Не жалей язву общества. Если породилась гадость на земле – в скотомогильник её! Наше дело – чистота и правда. Средство наше – скорость и напор. Сила наша в духовности! В городе – бунтовщики и манагеры. За городом – река. Два часа до темноты! Мочи козлов!

Дорога через выгоны постепенно заворачивала по дуге влево и, версту спустя, спрямлялась на главную улицу, рассекающую Новый Майдан пополам. Семь десятков конных ратников строем по трое растянулись по просёлку и, набирая ход, понеслись к площади, держа копья наизготовку.

Учитель русского языка и литературы Побиск Блябкин слыл в городе полнейшим интеллектуалом. На митинг он пришёл с учениками. Простодушные юные борцы помогали создать массовость для успешного проведения мероприятия. Побиск Блябкин хотел видеть все старшие классы и постарался собрать через старост не разъехавшихся на каникулы ребят. Он действовал не из корысти, а потому что совестливость была неотъемлемым свойством его натуры.

Митинг в поддержку великомуромского протеста разгорался. Отыграл московский певец ртом Истома Нагой. Обняв изгиб гитары жёлтой, сладко облизнул губы, отошёл, скромно уступая место новому оратору. Заботливые руки вытолкнули на сцену учителя литературы. Побиск Блябкин торопливо глотнул воздуха. «Не могу молчать!» – хотел начать он с припасённой фразы, но сердце стиснула смертная тоска. Стало неполживо и гадко на душе.

– Не могу сдержать свою поганую метлу! – вместо этого выкрикнул он. – Кого предаём? Себя предаём. Зачем слушать москвичей? Они пришли обменять свои слова на наше счастье. Нет предела человеческой мерзости! Сами вы кто, идиоты? Поглядеть на вас – одни обиженные…

И действительно, в толпе не было ни благостного, ни просто спокойного лица. В перекошенные мордочки въелась гримаска плаксивого недовольства, словно некое высшее существо пометило стянувшихся на площадь клеймом убожества.

– Кто вы, общественники? С кем вы, семя народа?

Растущий грохот, приближающийся со стороны пыльного облака, понемногу заставлял задние ряды отвлекаться от представления на эстраде и оборачиваться. Побиск Блябкин увидел с помоста, как в конце улицы выскочили из-за поворота всадники. Их было много. Казалось, тысячи их!

Власть, которую собрались сокрушить недовольные, ВНЕЗАПНО сама пришла к ним.

Всадник, вырвавшийся вперёд, вскинул меч и, привстав на стременах, обрушил его на голову случайного новомайданника, который даже в митинге не участвовал, а просто вышел рядом постоять. В закатном солнце блеснул сияющий полукруг. Мимопроходивший ещё не упал, когда усатый мечник, не сбавляя хода, направил коня прямо в центр толпы. Его сверкающий клинок снова взвился.

– Мочи-и-и! – гаркнул он.

Истома Нагой молниеносно спрыгнул с эстрады и помчался задворками, спасая прижатую к груди гитару. Певец ртом был научен рвать когти. Последний его концерт состоялся в Великом Муроме.

Всадники врезались в людскую массу, рассекая её как тупой нож ливерную колбасу, давя и разбрасывая ошмётки. Побиск Блябкин видел, как опускаются копья, шеренга за шеренгой, по мере соприкосновения с массовкой нацеливаясь разить насмерть. Бежать было некуда. Всадников стало вдруг очень много. Они были везде. Люди метались, толкали друг друга, падали. Наехавшие топтали упавших, кололи устоявших. Кони сбивали митингующих, давили их, крутились на них, молотя подковами. Ржали, рычали, кусали за голову и плечи. Когда один такой зверь врезался крупом в эстраду, помост зашатался, и Блябкин едва устоял. Он увидел, как отличницу Машу из 10-го «А», красавицу, будущую золотую медалистку и первую в школе невесту, настигло окровавленное копьё. Наконечник вошёл в затылок как в тыкву

и выполз изо рта, вздёрнув девушку на носочки и протащив так аршин. Потом ратник выдернул оружие, и прилежной Маши не стало.

Посланники Великого Мурома заполнили площадь, не давая толпе рассеяться. Всадники всё прибывали и прибывали, отсекали пути отхода, месили, рубили и закалывали. Бегущих по главной улице настигали жестокие стрелы. Двое лучников, поджарый старик и молодой здоровяк, били им вслед без промаха. Они сразу заехали за толпу, встали плечом к плечу, чтобы им не мешала сутолока бойни, и оттуда пускали смерть. Они двигались бесстрастно и слаженно. Стрелу из тула вверх, хвостовик в гнездо, тетиву к уху, руку с луком вперёд, сразу наводя на бегущую цель с упреждением, пальцы отпускают тетиву. Учитель русского языка и литературы впервые в жизни видел так близко работающих боевых лучников. У каждого справа к седлу был примотан большой тул. В каждом умещалось две дюжины стрел. Ни одна не ушла мимо.

«В истории было много случаев, когда ученики предавали своего учителя», – вспомнил Побиск Блябкин писание добрых и мудрых братьев Стругацких, которым руководствовался всю жизнь.

– Но что-то я не припомню случая, чтобы учитель предал своих учеников, – прошептал он, расправляя плечи, и гордо выпятил грудь.

Он застыл на сцене, взирая пустыми глазами на кровавую

мясню перед ним, исполненный чувства величайшего достоинства, безгрешности и чести. Понимание, что митинг, наверное, и должен так проходить, явилось педагогу.

Побиск Блябкин принял его как единственно возможное, больше не задумываясь, единственно ли оно верное.

Сотник Литвин дал команду отставить и строиться. Подгоняемые рявканьем десятников, дружинники перегруппировались и начали организованное преследование бегущих. Никто из высунувших нос на улицу в этот вечер не остался обделённым. За Новым Майданом протекала речка Мокрая Чеварда. За сотни лет она заилилась и превратилась в заросший камышом ручей. Несогласные увязли в её топкой жиже и нашли свою смерть в грязи. Трупы запрудили Мокрую Чеварду так, что она вышла из берегов и её кровавые воды разлились, словно в весенний паводок. Некоторым, однако, удалось выбраться на тот берег. В основном это были обученные дорогой скорбей и нужды столичные беженцы, мобильные и эффективные.

Лузга напутствовал скрывшихся в лесу манагеров:

До свиданья, дорогие москвичи, доброй ночи!
Доброй ночи, вспоминайте нас.

Топчась по берегу Мокрой Чеварды, Щавель и Жёлудь машинально ощупывали опустевшие тулы. В каждом осталось по одной стреле – чёрная у отца и красная с четырёхгран-

ным наконечником у сына. Эти стрелы они не решились бы потратить даже в рядовой стычке с вооружённым противником.

Литвин развернул дружину в городок – добивать раненых. Пленных в этот вечер не брали. Знатный работорговец Карп считал, что хорошие, годные специалисты дружат с головой, а потому скакать на площадь не пойдут. Никчёмные и пропащие же чем истреблённее будут, тем кадровикам забот меньше.

Эйчарок на Новый Майдан он вознамерился спустить утром.

* * *

Целый и невредимый Побиск Блябкин вернулся домой другим человеком. Сообразно заветам братьев Стругацких, учитель, предавший своих учеников, перестал быть учителем.

Он сделался директором школы.

Глава Третья

в которой посёлок имени Степана Разина по ночам не спит

Пятнадцать вёрст до посёлка имени Степана Разина одолели за световой день. От голода пленники значительно пали духом и еле волокли ноги. Рядом ехал Карп, подмолаживал плёточкой и добрым словом. Мастеровые невольники для трудовых подвигов в Великом Новгороде были набраны. Больше ловить не планировали, этих бы прокормить. Карп не мог зайти на постоялый двор, бросить кошель и распорядиться: «Сготовь обед на шестьсот человек». Провизию требовалось закупать впрок и везти на подводах. Она быстро заканчивалась, если по дороге не находилось возможности пополнить запас. Святая Русь, где можно было реквизировать продуктас во благо светлейшего князя, отстояла на много дней пути каравана. Хорошо хоть в Новом Майдане безвозмездно, то есть даром, набили возы жратвой, которой хватит на обратную дорогу. Оставалось выйти на Великий тракт и с победой направиться домой, но перед этим надо было провести где-то ночь. Выбор оказался небогат: заночевать на перекрёстке или дойти до постоялого двора и спать под крышей.

Имелась одна проблема. Постоялые дворы находились в

посёлке имени Степана Разина. Ночевать там было не безопаснее, чем у вехобитов в Спарте или деревне Восток у Глухого озера.

Раскатав на привале карту, Щавель, Литвин и десятники изучали диспозицию противника. Разбойники выбрали деревню в полутора верстах от большой дороги местного значения, рассекающей лес напрямик. Даже пеший дозорный вовремя донесёт о достойной внимания подводе, а то и купеческом караване, отважившемся проникнуть в Саранск или из Саранска на Великий тракт. Не говоря уж о таких сельскохозяйственных центрах, как Совхоз «Красный Коноплевод» или Ромодановский Махоркосовхоз, после Большого Пиндеца ставших экономической опорой края. Впрочем, сами города были укреплены стенами и представляли собой неприступные для грабителей цитадели. Великий тракт отстоял от посёлка на двадцать вёрст крепкой грунтовки. Она проходила через населённый пункт, где практически в каждой избе водилась босяцкая семья, либо малина с катраном и шмарами.

– Неудивительно, что они здесь прижились, – вздохнул Литвин.

«Небо ясное, а ласточки низко летают», – подумал Щавель и сказал:

– Рискнём, чтобы не промокнуть?

Ночью лил дождь, но днём распогодилось. Было сыро. Карп засопел и пробурчал:

– Нельзя рабов простужать, издохнут, падлы, – запустил в патлы пятерню, дабы разогнать мысли и всю остальную живность, поскрёб грабками, с сомнением позырил вдаль, где лежала развилка дорог в одинаково плохих направлениях. – Только не свежий воздух! Светлейший князь убыли по глупости не потерпит, осерчает дюже. Рискнём.

В посёлок имени Степана Разина работорговый караван вошёл, неся отишие тревожного ожидания. Как гнетущая туча над урожайным полем, готовая разродиться грозой и градом, внушает крестьянам отчаяние и ненависть к силам небесным, так и новгородский ОМОН, появившийся в бандитском гнезде, внедрял в чёрные сердца душегубов бессильную злобу пополам с зубовным скрежетом. Исступление криминального элемента в любой момент было готово выплеснуться в истерику с поножовщиной, но не на солдат, а на босоту в воровском вертепе, куда урки привычно нишкнули, как тараканы под половицы.

Следуя вдоль невольничьей колонны, кадровая пехота и новгородский ОМОН держались осмотрительно и с опаской. От разбойников запросто ожидали получить пулю в живот или картечь между глаз. Это были не мирные протестующие. Разгонять безоружную толпу – одно удовольствие, а штурмовать блатхату с бандюгами, каждый из которых при стволе, – совсем другой коленкор. Впрочем, зачищать разбойничий посёлок приказа не было. Сами же ухари к отряду близко не подойдут. Многосотенный невольничий караван внушал

почтение. За звоном конвойных цепей, бесконечными рядами едва влачащих ноги пленников и стерегущими рабов пехотинцами и всадниками чувствовалась такая могутная сила, которой хотелось уступить дорогу, не задумываясь. Но это не значило, что злодей упустит случай всадить заточку в бок служивому человеку, если выпадет возможность встретиться с ним в тёмном переулке.

Посёлок, через который проходила дорога к Великому тракту, располагал значительным числом постоялых дворов. Заплатив за крышу, любой купец мог найти приют невозбранно. Его могли ограбить на следующий день, но только не в самом посёлке, где он заплатил за покой, а по дороге. За каждым двором был свой смотрящий, который не только собирал с хозяина деньги в свой карман, но и засылал на общак. Смотрящий решал вопросы с ворами и не отказывал никакому постояльцу, москвичам ли, татарам или омоновцам. Бабло рулило. Общак был святее всех святых тем.

Работорговцы выбрали огромный постоялый двор, удачно пустующий. Набились туда со своим живым товаром как сельди в бочку. Оккупировали стоящие рядом избы со всеми дворами. В посёлке всё было «за боюсь», кроме услуг кабацких и гостиных. Ратникам не отказывали. Места в тепле и сухости хватило на всех. Рабов развели по хлевам и сараям. Запирая ворота, Карп произносил древнюю формулу Охраны:

– Внемлите, невольники! Вы переходите в распоряжение

ночного конвоя. За время нахождения под стражей запрещается: курить, левитировать, открывать порталы, нарушать целостность крыши, стен, пола, менять силу земного тяготения, творить молитвы неведомым богам и Ктулху, возжигать огонь, призывать животных и призраков, допускать нарушения хода времени и внутреннего распорядка. При невыполнении требований ночной конвой имеет право применить магическую силу и спецсредства. При побеге конвой применяет оружие без предупреждения. Слава России!

– России слава! – в один голос выдыхали рабы, повинуясь силе заклятия.

Приютивший их шикарный двор «На стрежень!» пах сырым деревом и желтел новой сосной. Карп заметил, что дома в квартале тоже не успели потемнеть. Видать, горели все разом. Пожары в разбойничьем посёлке причиняли ущерба примерно столько же, сколько регулярные зачистки усиленной войсками жандармерией, если у правительства Великой Руси возникал интерес к борьбе с бандитизмом. Однако олигархия заботилась только о столичном рынке, пуская на самотёк и откуп всё прочее. Великорусская беспредельность простиралась именно отсюда, но и она не могла сравниться с вольницей Проклятой Руси, весёлой до жути.

Караваны торговцев преодолевали всё. Купец, разок прошедший от Сыктывкара через Сарапул и Сызрань до Саратова, мог сказать, что видел жизнь.

Ушлые басурманские торгаши повидали больше, чем

жизнь. Они бродили всюду и скупали движимое имущество, какое могли увезти на возу или увести своим ходом. Именно такой караван расположился в другом конце посёлка. Заслали не вызывающего подозрений русого сероглазого татарчонка разнюхать о полчище варваров. Парнишка проник во двор, каким-то образом обойдя фишку, незаметно покрутился возле кухни, перекинулся парой слов с посудомойкой и смылся, а потом «На стрежень!» пожаловала делегация.

Постучали в ворота и по-человечески попросили доложить своему начальнику. Карп приказал впустить, засуетился, пригладил волосы гребешком, смоченным квасом. Одёрнул одежду возле зеркала и вышел встречать коллег.

– Поналетела вражья сила, – роптали дружинники, косясь на басурманских купцов.

Они пришли, важные, невозмутимые, все как один плечисты, с брюшком. Широкие лица с печатью каменного спокойствия – только стегнёт по сторонам быстрый осторожный взгляд, мигом выпасет, взвесит и оценит. Караванщика с подручными Карп знал. Они были родственниками из Туркменабата.

– Гурбангулы! – обрадовался он. – Бекдурды! Оразтач! Солтан! Атанепес!

– Ещё слово, и он вызовет Ктулху, – негромко сказал Ёрш, и новгородцы хмуро кивнули, без приязни наблюдая гостеприимство своего начальника к явным чуркобесам.

Пришельцы были одеты по-восточному: розовые джин-

сы, синяя джинсовая куртка поверх фиолетовой или чёрной футболки, красные мокасины. Караванщик Гурбангулы был обряжен в статусный чёрный кожаный плащ до пят. Ратники дивились на экзотику, и каждому было любопытственно, каково будет смотреться, ежели на себя такое напялить.

Шутили, скалясь:

– Отгадай загадку, почему басурманин упал? – вопрошал Вторяк у Третьяка, когда туркмены проходили мимо.

– Потому что ноги колесом, – отвечал братец, чтобы пришельцы слышали.

– Не угадал. Ещё попытка.

– Потому что обувь шил криворукий сапожник? – спешил, не раздумывая, Третьяк, пока азиаты были рядом.

– Упал, потому что верёвка оборвалась! – заржал Вторяк, а за ним Первуша и все остальные ратники.

Туркмены сделали вид, что сказанное пролетело мимо ушей. От сторожевых псов новгородского князя иного не ждали, а дружинники смотрели на врага недовольно, свирепо, но в то же время как-то грустно и с недоумением. Был бы приказ – порвали вмиг, однако находились они в чужих владениях, управляемых законом максимального благоприятствования купцам. Великая Русь не отличалась духовностью. Здесь были рады любым торговцам, лишь бы деньги притекали в страну.

И туркмены взошли на крыльцо постоялого двора.

Лестница скрипела и прогибалась под ногами полудюжи-

ны дородных мужей, когда Карп вёл гостей в нумер наверху, который занял со своими подручными. Гаркнул половому подать чаю. Расселись на койках, закрыли дверь. Туркмены обменялись быстрыми взглядами. Оразтач выудил из внутреннего кармана стеклянную флягу зелёной конопляной настойки. Атанепес вытащил серебряные стаканчики-напёрстки.

– Под крышей никто не видит, – пробормотал Гурбангулы ритуальную отмазку от небесного покровителя, который должен был взирать на них с высот горних и подмечать косяки. Наивные степняки считали, что бог не унюхает перегара, когда они выйдут на улицу, или не обратит внимания, что в дом его слуги заходили трезвые, а выползли на бровях.

– За встречу! – молвил тост Карп.

Адская настойка горчила. Половой обернулся с чаем и маковыми плюшками на заедку, кои не успела пожрать рать. Работорговцы повеселели. Завели разговоры за жизнь – кто куда удачно сходил, что полезного привёз и с какой прибылью сбыл. Про брани, про дороги и прочую историю с географией. Караван туркменабадцев в этом сезоне окучивал Тринадцатый регион в пользу Орды. Перезимовали в Бугульме, набрали коноводов и охрану из татар да подвязались обходить лесными дорогами сёла великорусские, приобретая у всех желающих всё ненужное, что они хотели сбыть, да не могли сыскать покупателя. Туркмены шустрили изо всех сил. Кони, рабы, дети, бабы – имущество спорое. Не усле-

дишь, мигом найдутся охотники прибрать к рукам. Подобный караван универсалов гулял по областям Саранским и Тамбовским далеко не один.

Это было в традиции басурманской – наезжать на Русь с деньгами, а уезжать с пополнением. В мировом центре работорговли дела велись чинно и благопристойно. Купцы из дальних земель беспрепятственно сновали от деревни к деревне, ведя торг. Хозяева охотно расставались с работниками, родители сбывали с рук детей, мужья – жён, жёны – мужей, в зависимости от того, кто у кого в семье главный, а заодно скотину и ценные предметы культуры и искусства по взаимному согласию и к обоюдной выгоде сторон. Руководствуясь принципом «чтобы купить что-нибудь ненужное, нужно сначала продать что-нибудь ненужное», туркменабадцы затарились на оптовой базе в Бугульме слесарными поделками знаменитого ордынского качества и успешно сбыли дефицитные безделушки по Великой Руси, а сейчас набирали рабов помоложе для отправки в Самоцветные горы.

Половой обновил самоварчик. Судачили, утирая пот полотенцами. Наконец, Гурбангулы наклонился и, хитро подмигнув, спросил:

– Есть чо?

Карп вздохнул, растирая грудь. Прогудел, исполненный скорби вселенской:

– Заказал светлейший князь Лучезавр работников для Святой Руси. Ходили мы, ходили, да по-прежнему недобор.

– Какой недобор, когда сараи ломятся? – резонно подметил Гурбангулы.

Наступило время предлагать товар подобающим знатному работорговцу для знатного работорговца образом.

– Массовый подбор рабочей сетки осуществлён на восемьдесят восемь процентов. Полно незакрытых вакансий! – поплакался Карп. – Ресёрчинг гнилой. Толку-то, что сараи ломятся, если квалификация рек-рутов ниже плинтуса. Девяносто пять процентов – идиоты.

– Ты цифрами думаешь, а ведь они же люди! – воскликнул Гурбангулы. – Чувствуют, думают, надеются.

– Без надежды надеются. Из-под моей охраны не сбежишь. В остальном ты прав. Люди – они разные. Я бы тебе гениев отдал и дизайнеров…

– Не-не, дизайнеров не надо!

– …да Щавель всех перебил, на твоё счастье, – докончил Карп. – Оставил одну чернь.

– Э-э, чернь… – протянул Гурбангулы. – Придётся брать себе в убыток.

– Зачем тебе всякое добро? Оставим его князю, – отказал Карп. – Я тебе лучше детишков отдам по сходной цене. Дети – цветы жизни!

– Зачем мне дети? Их только убить или отпустить, – скривился Гурбангулы. – Два-три в хозяйство, а в обоз не больше десятка. Сил много, ума мало, они шустрые – не уследишь. Нежные очень. Издохнут ещё по дороге.

– Дети – это будущее! – наставительно молвил Карп. – Через год-другой в силу войдут и ещё тридцать лет проработают, если кормить. Я ж не грудных торгую, а хороших, годных.

– У меня вакансии с минимальным количеством требований в Самоцветные горы, – сказал Гурбангулы. – Куда плодить детей подземелья? Сам знаешь, скапливать малолеток нельзя. Когда их много, они звереют и становятся неконтролируемыми. Дети не нужны.

Опрокинули ещё по рюмке конопляной настойки. Приходнулись. Захорошело окончательно. Когда работорговцы, мечтательные, спускались по лестнице, трапезную огласило хоровое пение гимна Самоцветных гор:

Здесь вам не поверхность,
Здесь климат иной.
Ползут мокрицы одна за одной
В стволе за камнепадом идёт камнепад.

Сделка состоялась.

Солтан привёл на подмогу наёмную татарву. Татарва принесла арканы, коими дикие башкорты ловят диких мустангов и беглых рабов, а также тонкую конвойную цепь с замочками, и Карп начал поочерёдный обход хлевов. Заскрипели ворота. Злые, чёрные, бородатые татаровья врывались и выхватывали из рук отчаявшихся матерей маленьких, беззащит-

ных, с огромными доверчивыми голубыми глазёнками детишек. Они набегали при полном попустительстве русских ратников, наблюдающих за чинимым произволом с безразличием скотоводов, приведших овец к придорожной шашлычной «У Гагика».

Карп продал всех. Даже злобный кривой мальчик, откликавшийся на погоняло Тёма, нашёл своё место в цепи юных дарований. Рослый, крепкий для своих лет, он имел возможность, пусть и с натяжкой, сделаться другом сурового уральского шахтёра из Самоцветных гор. Тёма был переодетый москвич, добежавший до Нового Майдана и там пленённый новгородцами. Сам того не ведая, Карп всё же впарил наивному туркмену гения и дизайнера, да не простого, а трёхсотлетнего. В ближайшие годы штольни Самоцветных гор ожидала перепланировка и обустройство напольной навигацией, в том числе и на басурманских языках, чтобы незаметно и удобно повысить эффективность горнорудных работ и тем самым увеличить производительность труда невольников.

Вздохи замученных матерей («Слава Ктулху, прибрали тебя чурки…») и крики рабов («Огольца, огольца-то ловите!») витали над косматыми кочанами басурман. Новомайдановцы, смеясь, расставались со своим будущим.

Скованные одной цепью детишки выстроились на улице возле ворот «На стрежень!», чтобы отойти к новому хозяину. Карп собирался посетить гнездо туркменобадцев – получить причитающуюся плату и откушать сочнейшего пилава,

который аккурат пос-пел к завершению сделки. С конопляной настойки пробило на жор.

– И чего же ты удумал?

Ледяной голос Щавеля, невесть как очутившегося за спиной, заставил знатного работорговца сбавить ход.

Карп медленно обернулся. Старый лучник стоял недвижимый и наблюдал за чинимым гешефтом с бесстрастностью гранитной статуи.

«И с каменной беспощадностью», – пришло на ум работорговцу.

– Нарвали с грядок цветов жизни по скаредности ненасытной, да по хищническому скопидомству, и что теперь прикажешь с ними делать? – пробухтел Карп. – Я их сбагрю всех. Пускай татарва сама с ними валандается как хочет.

– Десятину не забудь заслать. И ещё половину суммы я у тебя реквизирую во имя светлейшего князя, на нужды операции, – голос старого лучника прошелестел, как сыплющийся песок.

– Зашлю, – буркнул Карп, не решаясь больше ничего говорить, чуя, что сейчас каждое его слово на вес золота.

– За мудрость и дальновидность в деле финансирования похода объявляю благодарность.

– Слава России! – только и сказал знатный работорговец, затем поспешил отвалить, пока хотя бы четыре части из десяти от денег остались при нём.

Просекая их движуху, Лузга засобирался. Ружейный ма-

стер скучал в битком набитой трапезной. Он вытряхнул из кармана мелочишку, посчитал и нашёл, что всё не так и плохо. Могло быть лучше, если сыщется собутыльник, у которого водится монета. Лузга подкатил к Михану:

– Лучше сидеть в маленькой и тёмной пивной, чем работать на большом и светлом заводе, верно я говорю?

– Верно, – признал сын мясника, о заводах только в книжке читавший.

– Если так, собирайся в кабак. Похряли в маленькую тёмную пивную, а то мне завтра топать на большой и светлый завод, – Лузгу передёрнуло при воспоминании о белорецкой промышленной зоне. – Зальём… Завьём горе верёвочкой.

– Не отпустят, – заныл парень, которому страсть как хотелось слинять из-под присмотра личного состава в поисках свежих впечатлений.

– Забей! Кто работал и трудился, тот давно доской накрылся, а кто на службу болт ложил, тот до пенсии дожил, – народная мудрость придавила Михана, и он не нашёлся, чем возразить. – Я договорюсь. Чё менжуешься? Не выцепим у твоего десятника пару часов до отбоя?

Чуя доброе отношение поселян, омоновцы в увольнение не торопились, поэтому оружейный мастер легко столковался с непосредственным начальством Михана.

Скворец легкомысленно разрешил:

– Погуляй со своими напоследок. Теперь ты их долго не увидишь.

Подкрепляя его слова, Лузга прищурился, зыркнул по сторонам, цыкнул слюной под ноги.

– Айда, закатишь отвальную. Я в Белорецк, ты – в дружину, когда ещё встретимся? Прикинься только чем-нибудь гражданским, чтобы не отсвечивать. Это место без фраеров.

Лузга ошибался. Посёлок имени Степана Разина был не без фраеров. По соседству с блатными жили простые мужики с семьями. Они составляли 95 % населения. Посёлок привечал беглых рабов, оступившихся пролетариев и крестьян, всех угнетённых, кто не желал становиться злодеями, но предпочитал держаться поближе к разбойникам, нежели к кровавой подлости официального Закона. Воры почти не трогали нижнее звено своей иерархической пирамиды – ведь кому-то надо работать и периодически становиться поживой. Мужики знали и вполглаза дремали в своих избах с наступлением темноты. Пахнет наволочка сеном, дочка спит, свеча горит, ужас на лице. С беспокойством прислушивались, как по окну скребутся ветки. Мыши ли? Ночной гость ли? Да, но не к нам. Тихо тать пришёл к соседям. Со свиданьицем! Дверь откроет в щёлку, клюв лоха тихонько щёлкнет. Не вставал хозяин дома, был бы жив. На пороге ляжет, но никто не скажет, ибо знают, что наточены ножи.

Покойно было в посёлке имени Степана Разина, но тревожно.

– А ты что не с ними? – поинтересовался Скворец у Жёлудя.

– Батя велел не отлучаться, – с тоской ответил парень. – Нам здесь не вэлкам.

Из подвернувшегося под руку бульварного чтива парень нахватался собачьих слов, Скворец только головой качнул.

– Оружейник-то ваш пошёл?

– Лузга не спросясь отчалил.

Скворец с тревогой посмотрел на ворота, за которыми скрылся Михан.

Глава Четвёртая

в которой чад кутежа сгустился в яме блатного дна, а урки выясняют, кто крикливей всех

Очутившись на воле, Михан выудил красный греческий платок, бережно расправил, встряхнул, повязал на голову. Он чувствовал себя как в первый день в Новгороде. Дуновение чего-то неизведанного, разлитого в воздухе посёлка, коснулось души, и молодец потянулся к нему, как теля к матке.

Широкая главная улица, от которой шарахались неказистые заборы, вела к непросыхающей слякотной площадке. Главный кабак, сто раз отстроенный на пепелище, распугал окрестные дома. Крестьяне чурались ставить избы рядом с источником огненной угрозы, да и делаться первой жертвой пьяных разбойников желающих было мало. Таким образом, место, куда, словно помои в гигантскую воронку, стекалась вся грязь разбойничьего гнезда, само собой расчистилось и превратилось в главную площадь. В размешанном лаптями суглинке там и сям виднелись пятна блевотины, выбитые зубы, шматы и огрызки, кровь и мочевые лужи. Под стеной и на подходе валялись недвижные тела. Упитые ли, убитые? – Михан не осмелился разведать и постарался их не замечать. Он обратил всё внимание на шалман, гудящий как улей. Трактир «Яма», с выдумкой замастряченный под до-

пиндецовую почтовую станцию, содержал в себе три зала – «Почта», «Телеграф», «Сберкасса».

– Тут по мастям сидят, – издалека по вывеске просёк расклады Лузга. – Знаю ихнюю разблюдовку. У дверей всякие черти тусуются, дальше урки гужбанят и правильные мужики, а в «Сберкассе» главные воры.

– А нам куда? – стушевался Михан.

Лузга злорадно оскалился.

– Сам определись, где тебе сидеть, а то живо найдутся указчики и на дальняк определят. Кто ты по масти, вор, мужик или чёрт?

Михан наморщил лоб.

– Я дружинник, – уверенно идентифицировался он.

– Заплыла красная масть на чёрный расклад, – Лузга подмигнул особенно зловеще. – Ладно, держись меня, болтай поменьше и всё будет ништяк. Эх, ты, лох-несское чудовище…

Переступая через отгулявших, прислушиваясь к звону гитары и крикам блатных, они подошли к порогу, и Лузга толкнул дверь.

В «Яме» шёл совершенно дикий кутёж. Великолукские воры пропивали награбленное.

В зале «Почта» вдоль стен тянулись длинные конторки, только вместо чернильниц на них громоздились стопари для сучка и круханы под чифир и брагу. В середине размещались стоячие столики, чтобы голытьба парковалась теснее,

да не задерживалась. Столы со скамьями и табуретами располагались в следующем, самом крупном зале, чьё название с графским титулом как бы намекало основательно закусить и выпить, да не шмурдяка, а чего поприличней.

Дальний зал был сокрыт зелёной шторой, разукрашенной намалёванными через трафарет кругами с ёлочкой, фамильным гербом графьёв Грефов, обещающим авторитетным людям грев. Что происходило за плотной занавесью, было тайной. В «Сберкассе» заседали солидные жулики и воры, а фраерам туда хода не было, разве что зайти на минуту, занести лавэ на общак.

«Телеграф» был забит под завязку, там куролесили жиганы. Михан едва заглянул, и определяться сразу расхотелось. Лузга даже не пытался, знал своё место. Протолкались к раздаче на «Почте», переполненной едва ли меньше, но зато босотой не с такими волчьими мордами. Михан взял бутылёк очищенного углём самогона, Лузга зацепил пару кружек пиваса, чтобы полировать, да потянулся к столу в центре зала, от которого отвалила компашка, оставив одинокого тощего оборванца скучать за пустым стопарём.

– Здорово, земляк, не помешаем?

Оборванец вскинул на Лузгу блестящие глаза туберкулёзника. Он был нестарый, только казался старым из-за обвисшей, убитой въевшимся загаром кожи на лице да сутулых плеч. Он был когда-то жгучим брюнетом, но теперь волосы тронул иней. Только глаза антрацитовым блеском выражали

горячую жажду жизни.

– Здорово, бродяга!

Лузга забуксовал и припух.

– Чёрный? Ты какими путями здесь?

– А тебя как занесло? – немедленно вопросом на вопрос ответил Чёрный.

– Шкандыбаю… как это самое…

– Членистоногое?

– Сам ты стоногое.

Лузга поставил на стол круханы, дал Михану знак причаливать.

– Кто это с тобой?

– Знакомьтесь, – нехотя сказал Лузга, – Миханом кличут. Он сегодня проставляется. А это Сириус, погоняло Чёрный.

– Отец астрономом был, – сразу пояснил Сириус, предупреждая вопрос деревенского лося. – Зови как погоняют.

– Понял. Меня самого Медведем назвали, так что лучше Михан.

– Похавать чё-нибудь сообрази, Михан, – бродяга привык гонять шнырей, но по обстановке; признаки интересной криминальной биографии наложили затейливую печать поверх выраженной интеллигентной внешности и привитых с детства хороших манер. – Надо на кишку кинуть, а то последнюю крысу вчера доел.

Молодец просёк, что им надо перетереть без его ушей, и умёлся к стойке, за которой раздатчик принимал заказы.

Он не заметил, как его внимательно изучают злые глаза.

* * *

Ветер рвал плащи с генералов и уносил в скупку. Барыги давали за них треть от меньшего и сами сбывали за полцены. Франты щеголяли в генеральских плащах со споротыми нашивками, а генералы… Генералы себе другие пошьют, у них денег много. Ветер не думал о поруганной генеральской чести, о расстроенных генеральшах и бедных генеральчатах, вынужденных по его лихой удаче влачить полуроскошный образ жизни, но глобальный шухер, всколыхнувший Великий Муром, аресты и повальный шмон вынудили бежать из столицы. Ветер притырился в посёлке имени Степана Разина и решил затихариться до зимних холодов. Пересидеть с братвой, выбираясь пощипать барыг к Великому тракту, и вернуться в город, когда всё уляжется.

Каково же было его удивление при виде вступившего в посёлок войска! Неужели дотянулся проклятый криминальный сыск? Ветер укрепился во мнении, когда узнал за столиком напротив пижона в красной бандане. Этого хлыща, только в форме новгородского ОМОНа, он встречал в Муроме. Неужели казачок засланный? С ним отирался явный сиделец, возможно, ссученный. Ветер мигом просёк гнилой расклад и поставил в известность собутыльников.

* * *

Ловко перебирая звонкие струны, московский певец ртом Истома Нагой ходил промеж столиков и развлекал контингент скабрезными руладами. С Нового Майдана артист опрометью добежал до разбойничьего посёлка и, найдя приличествующую аудиторию, возобновил чёс по городкам и весям, рубя капусту на терпимую жизнь. К зиме он наметил вернуться на большую эстраду, а для этого надо было набить карман. Среди бандитов и грабителей гастролёр чувствовал себя как рыба в воде. Жиганы отсыпали монету щедрей иных купцов Первой гильдии. Истоме нравилось в посёлке имени Степана Разина. Нетребовательная и отзывчивая публика, пиво и кислые щи с похожим на телятину мясом, духота и табачный дым. Никто не пробовал осадить наглого гитараста, клянчащего деньги. Благодать!

Великолукские воры тратили без счёта награбленные мешки чужого труда и человеческой крови. Золото и ништяки оседали в «Яме», но Истома в своих скитаниях донырнул до самого блатного дна и теперь, не теряя времени, усердно черпал с подонками питательный осадок, не давая утечь сквозь пальцы.

Прокуроры ленивые
И политики вшивые

Взятки тратят невозбранно
На катран, на шалман.

Сутенёры чуть пьяные,
Депутаты румяные.
Слухи за угол катятся,
К мусорам, к операм.

А потом спозараночку,
Из суда к полустаночку,
Едут, едут «столыпины»
В Белорецк, в Джезгазган…

– Политику не хаваем! – орали ему. – Сбацай жалостивую. Про сирот в трущобах городских, про генералов пещанных карьеров!

– Будет и про генералов пещеристых! – жеманясь и кланяясь, отвечал Истома. – Сбацаем в лучшем виде.

И плаксиво выводил аккорды.

Пьяный мужик выскочил из-за стола и давай кружить по залу с зажатой в зубах соплёй.

– Пропади оно пропадом! Жысть ни во што!

И ножом себя по венам – чик! Кисть сразу повисла на срезанных сухожилиях – нож как бритва. Кровь, весело. Первач лился рекой под хвастливое враньё блатарей.

Михан с завистью поглядывал в «Телеграф», прислуши-

ваясь к отжигам Истомы Нагого. Песни врывались в душу, заполняя её мерзостью и драйвом. Парню хотелось загужбанить и подраться. Вместо этого довольствовался сивухой с разбавленным пивом и унылыми жёвками дряхлых арестантов о том, о сём, за зону, беды и победы, кто где сидел, да как умер. Михан терпеливо прислушивался, не встревая, и прознал, откуда взялся нынешний квас-барабас.

Великолукские воры спускали ценности, добытые в китайском квартале. Для погрома тайно собирали штурмовиков по окрестным малинам и великомуромским хазам купеческие вербовщики. Воры подрядились устроить шабаш косоглазым, а когда за спиной заколдовали жрецы Ктулху, то и вовсе крышу снесло. Давно объявленные в розыск у себя на родине и подлежащие смертной казни от руки любого охотника, они шастали по Руси, нигде надолго не задерживаясь. Среди фрилансеров – плотников, сезонщиков, калик, перехожих интерьерных дизайнеров, беглых рабов, лудильщиков, старьёвщиков, торгашей, ронинов и добавившихся к ним московских беженцев, они даже не сильно выделялись своей неординарностью.

Сириус Чёрный тоже числился беглым. Ориентировки на него были разосланы во все охотконторы, промышляющие отловом рабов и зэков. Он странствовал по изнанке земель, избегая городов и стараясь не сильно отсвечивать. Когда побегушник узнал, что Лузга идёт в Проклятую Русь, вцепился как клещ.

– Давай вместе, – умученный горьким опытом, торопливо прошептал он. – У вас же грамота есть дорожная. Я чётко зашифруюсь, отвечаю! Может, пронырну сквозь кордоны, а в проклятых землях кто меня поймает?

– Надо с командиром разговаривать, – Лузга, даже поддатый, помнил субординацию. – Не я решаю.

– Одному сил нет, – Сириус несильно, но с чувством стукнул себя в грудь кулаком. – Знаешь, каково мне было из казахских степей добираться?

– А ты измени-ился, – тянул пьяный Лузга, вглядываясь в исчерченное глубокими морщинами лицо семейника. – Раньше ведь таким ты не был.

– Двенадцать лет в Джезказгане изменят кого угодно. Три года на шахте, по девятой усиленной. Знаешь, олень, что такое девятая усиленная? – захмелевший Сириус схватил Михана за рукав.

– Не, почём знать, – ошалел лесной парень.

– Девятая усиленная пайка, водолазная, в рот её по нотам. Та, которая губит… – невнятно забормотал Чёрный. – Я в затопленной шахте работал. Там зачёты один за семь дают. За два года можно выйти с пятнашки на волю, да только кто продержится стока-то… Я кончился через четыре месяца.

– Дела-а, – деланно посочуствовал Михан, не зная, как соскочить с этого порожняка.

– Заехал на больничку, поправил здоровье. Потом в медеплавильный перевели, к теплу, суки! Там на убой, в Джезказ-

гане… Лёгкие гниют в лоскуты. Когда с комбината выброс, над окрестностями дождь из серной кислоты идёт, – Сириус какое-то время таращился в никуда, потом сплюнул на пол длинной тягучей слюной, поднял взгляд на Лузгу. – Станешь не таким, – криво хмыкнул. – Так я с вами или нет?

Лузга задумчиво покачал пустую бутылку, показал Михану.

– Обнови, слышь?

– Не вопрос! – стажёр наловчился в дружине понимать с полуслова, высвободил рукав и с чувством великого облегчения оставил кентов перетирать за насущное.

Молодец жаждал выпивки и разгула. Жечь, так напалмом!

У раздачи он столкнулся с бритым налысо битком. Жиган был молодой и крепкий, под рубахой бугрились накачанные мышцы.

– Куда прёшь, как на буфет? Встань в конец очереди.

– Ты мне, что ли? – через губу кинул Михан.

– Тебе, козячья масть.

– Я козёл? Ты не ошалел в атаке, жлобина? – взыграло в сыне мясника подзабитое старослужащими дружинниками самолюбие.

– Чё, рамсы попутал? Извинись быстро!

– Зубов, что ли, слишком много?

– Чё ты? Базар тебе нужен? Будет тебе базар. Давай выйдем, потолкуем.

– Больно нужно, – пробормотал Михан.

– Чё, ссышь? Ссышь выйти поговорить по-мужски?

– Я ссу? – Михан краем глаза видел, что Лузга не обращает на него внимания, погрузившись в толковище с беглым узником, но гордость не позволила ему обратиться за помощью, да и жиган не показался особо опасным, бил и не таких. – Пойдём, выйдем.

Биток энергично зашагал к дверям. «Драка так драка», – утешил себя Михан, представив случай как подарок судьбы, и отважно последовал за ним. Из кабака, однако, вышли внезапно вчетвером. Как так получилось, Михан не понял, но было поздняк метаться.

– Рамс нужен? Ну, чего притух?

– Это твой разговор по-мужски? – спросил Михан дрогнувшим голосом.

Хари уголовников кривлялись такие гнусные, что немудрено было и обделаться.

– Не-е, ты не козёл, – покачал головой Ветер и, выпучившись, гаркнул, обдав Михана брызгами: – Ты – бык! Который, кроме как гнать, больше ничего не умеет.

Мерзостью разбойничьей жиганы задавили в нём воинский дух со сноровкой бывалого аспида.

– Слышь, орёл, ты откуда такой борзый взялся?

– Тебе какое дело? – пролепетал Михан.

– Ты с большим караваном пришёл? – спросил уже другой урка, смешанной азиатской наружности, метис и, вдобавок, мутант. – Да?

– Да.

– Караван голимый, без купцов, одни рабы и менты, – продолжил метис-мутант.

– Что-то я не вижу на тебе цепей, – сипло засмеялся клеймлённый варнак с провалившимся носом сифилитика, знакомый с кандалами не понаслышке. – Значит, ты мент.

Михан проглотил язык.

– Ментовской? – взвизгнул азиат, верно расценив молчание как признание. – Ты, гадский рот, к людям уши греть пришёл?

Молодец, который легко кидался врукопашную на превосходящие силы мужиков и ходил в атаку на вооружённого противника, стушевался. Грабители умело нагнали жути, и лихой удалец стал как тряпка.

* * *

– Штрих твой где? – напомнил Сириус.

– В ДК «Звезде», – Лузга цедил пиво сквозь зубы, лениво зыркая по сторонам, ему захорошело. – Наверное, кумыс пошёл отливать, мышь серогорбая.

– А с ним ещё трое.

Чёрный улыбнулся, наслаждаясь моментом.

– Явно не член придерживать.

Оружейного мастера как из ушата окатило. Он бросил кружку и кинулся к дверям.

* * *

«Теперь не жить мне», – думал Михан. С перепугу его трясло и колотило.

– Так ты му-усор? – из рукава в ладонь безносого выскользнула узкая, как шило, заточка. – Щас приберём.

Сзади скрипнула дверь.

– Завязывайте, уважаемые, – оборвал экзекуцию повелительный голос Лузги. – Разговор на эту тему портит нервную систему.

Разбойники вызверились на него. Михан стоял как телок. Чтобы отвлечь от него душегубов, Лузга долго тянул по фене, а потом пустил всех по матери.

– …и я в натуре не вижу, кто здесь блатной! – закончил он своим любимым присловьем.

– Ты – блатной? – взвизгнул Ветер. – Да ты чёрт, закатай вату. Ты как с людьми разговариваешь?

– С людьми? Где тут люди? Твои люди съели уд на блюде, а потом спрашивают: «Ка-ак?» – глумливо протянул Лузга тоном растерянного фраера. – Да хреном об косяк!

– Ты чё метёшь, демон? – взвился Ветер, а сифилисный каторжник произнёс:

– Это он сейчас такой дерзкий, а потом повиснет на пере и будет о своём хамстве очень сожалеть.

– На словах ты горазд, а на деле педераст, – пригвоздил

оружейный мастер.

– Ты кого пидором назвал? – безносый каторжник наконец-то оставил Михана и ринулся к Лузге. – Быков здесь режут.

Колючий клинок с грубо ободранным на наждаке лезвием потянулся к животу.

– Найфшмяк!

Короткое, быстрое заклинание выбило нож из руки. Заточка брякнулась в грязь, будто под землёй включили мощнейший электромагнит. Узник Джезказгана вышел из-за спины Лузги. Обезоруженный варнак дал в тормоза и включил обратку.

– Погодь… Обожди с движениями…

Лузга не по-хорошему улыбнулся.

Сириус осторожно приблизился, держа перед собой радиоактивную отвёртку. Это очень не понравилось жиганам.

– Ты чё, попутал, Чёрный? – смутился азиат, которому проницательность мутанта подсказывала одно, а воровские заположняки – совсем другое. – Ты чё, за красных вписался?

Левой рукой метис потянул сзади с пояса плёточку из серой шерсти алмасты, как ему представлялось, незаметно.

– Фанеру к осмотру!

Заклинание сбило азиата с ног сержантским кулаком. Оно прозвучало свистом пара, рвущегося из чайника. Сириус произносил вербальные формулы очень быстро. Кто медлил с боевыми заклинаниями, в Джезказгане жил возле параши.

Ветер сунулся было, но Чёрный успокоил его короткой командой:

– Спать!

Грабитель повалился с закрытыми глазами.

Сифилисный каторжник попятился, выставив ладони перед собой, показывая пустые руки. Сириус следил, наставив на него отвёртку.

– Расход, Чёрный? Бочины нет. Мы с тобой краями, да? – загундосил он, не желая попасть под раздачу заклинаний, каждое из которых у беглеца было новым, и следующим могло стать Непростительное Смертельное Проклятие, за которое отправляли в Джезказган на пожизненное.

Беглец был на посёлке недолго, но успел заработать среди братвы авторитет припадочного отморозка, с которым лучше не связываться.

– Расход. Вали отсюда, – выдохнул Сириус.

Безносый дал стрекача и исчез в проулке среди репейных зарослей.

Сириус качнулся, опёрся о стену.

– Мне надо поесть. Силы не те… Рудники проклятые…

– Правильно, сало – сила, спорт – могила! – поддержал Лузга.

– Двенадцать лет в Джезказгане… – прохрипел, словно оправдываясь, Сириус и пронзительно сухо закашлялся.

Он корчился, зажимая рот, и, когда убрал пакши, на ладони осталась кровь.

– Идём, проставишься, – сурово сказал Михану оружейный мастер. – У тебя сегодня второй день рождения.

– Конечно, – пробормотал молодец. – Сюда пойдём?

– А куда? Зачем далеко ходить…

Михан с недоверием оглядел дрыхнущего Ветра и азиата, который после удара магическим кулаком всё не мог продышаться.

– Ты же их не убил?

– Зачем гнилое мясо размножать? Куда его ныкать потом?

– Мясо-то не пропадёт, – Лузга зыркнул в сторону кабака.

Сириус посмотрел на «Яму», будто видел её впервые, и почему-то погрустнел.

– Действительно, – сказал он. – Лучше крыс жрать. Похряли, нас тут в любом доме накормят, если монета водится.

Они забрались через забор во двор на полпути к постоялому двору «На стрежень!». Чёрный знал, куда приткнуться, чтобы обойтись без палева со стороны побитых жиганов. В душной тёмной избёнке с крохотными оконцами, затянутыми свиным мочевым пузырём, хозяйка налила кислых щей и выставила банку косорыловки. Поели при свете лучины. На печи возились детишки, не сосчитать. Поблескивали глазёнки. Михану всё время казалось, что их нечётное количество. Остограммившись, Сириус потребовал на заедку ещё чего-нибудь и удовольствовался вчерашней кашей. Обнял глиняную миску, прихватил локтём как бабу, наклонил, жадно черпал щербатой деревянной ложкой, чавкал, челю-

сти двигались как промышленный перерабатывающий биомеханизм.

Михан чуть не блеванул.

– Жизня научит калачи есть, – Сириус заметил, что молодец заметил, но ему было поровну, уже окончательно стыд потерял.

Нашёл на столе огрызок жареного мяса, сдул волосы, сунул в пасть.

– Во ты ротан, – заметил Лузга. – Мечешь всё, что не прибито.

– С пацанами неудобно вышло, – пробубнил с набитым ртом Сириус. – Будут потом вопросы на пересылке. Валить надо было всех, да сил нету.

– Я добазарюсь со Щавелем, – заверил Лузга. – Пересидим только здесь до ночи.

– Договаривайся тоже, – чёрные глаза Сириуса впились в Михана, гипнотизируя. – Я за тебя впрягся по полной. Мне больше на посёлке оставаться нельзя, грохнут жиганы. Теперь ты за меня мазу тяни перед командиром.

Глава Пятая

в которой ватага уходит в Орду, а работорговцы вздыхают с облегчением

– Сопли похмельного алкоголика тебе в миску, – простонал Лузга, когда его будили после подъёма.

Но если ружейный мастер чувствовал себя привычно гадко, то для знатного работорговца отходняк после конопляной настойки и щедро приправленного пилава на курдючном жиру, после которого пришлось всю ночь бегать до ветру, оказался необыкновенно мучительным. Хмурый Карп качался в седле, ждал, что голова вот-вот треснет и развалится, как старый горшок.

Гремящая и звенящая цепями человеческая многоножка ползла по посёлку, распугивая контингент. Ничего не видя и не слыша, наперерез ей приканал, шатаясь, Ветер. Остатки колдовского сна всё ещё висели на нём. Тело после ночи, проведённой на сырой земле, заколдобило, и уркаган двигался как Буратино, недорезанный папой Карло.

– Проворонили, раззявы! – ехавший во главе каравана Карп схватился за плётку.

Он категорически не желал, чтобы дорогу перешёл зомби или чёрт разберёт, что за тварь завелась в этом гнусном вертепе. Для авангарда боевого охранения люмпен с боду-

на выглядел неопасным, но только не для работорговца, чьё лицо было чернее тучи, а чело омрачала неистовая борьба с соблазном спешиться, ринуться в ближайшие кусты и облегчиться. Караванщик выместил злобу на подвернувшемся маргинале. Защита княжеского имущества от дурного знамения оправдывала самые радикальные меры.

Карп привстал на стременах и энергично хлестнул плетью из человеческого волоса. С двадцати шагов лицо Ветра развалило пополам. Будто крановый трос оборвался на тяге и прилетел неосторожному стропальщику в тыкву. Грабитель так ничего и не понял. Удар, вспышка, тьма. Ветер перешёл в неживое состояние без боли.

Ратники и первые шеренги рабов увидели, как у бродяги задралась голова, туловище отогнулось назад, и прохожий завалился навзничь, так и не ступив на дорогу. Середина колонны ещё могла наблюдать, что из трещины от левого виска до правой скулы хлещет толчками кровь, а когда труп Ветра миновали замыкающие, сердце перестало рефлекторно сокращаться, и из раны проступили белые осколки костной ткани.

Посланники оплота высокой духовности снова намекнули бунтарям, что, коли рыло в крови, то потехе – час, а делу – время.

Раболовецкий караван остановился сотворить защитные обряды на перекрёстке двух дорог, чтобы в Москве живущий вечно Ленин на него рассчитывать не мог.

– Эта-ап! Слушай мою команду! – гаркнул Литвин, проносясь на жеребце вдоль невольничьего строя. – На месте-е… Садись!

Загремели цепи. Словно огромное животное, вздохнув, опустилось на брюхо, закабалённое быдло село наземь.

Ватага Щавеля отделилась от общего строя к полю иванчая на месте сожжённого разбойниками постоялого двора и прощалась с дружинниками.

– Привет ворам-рецидивистам, хрен мусорам и активистам, – подвалил Лузга к отошедшим в сторонку перекинуться парой слов Михану с Чёрным.

Накануне он изо всех сил расстарался за старую дружбу.

– По зоне знаю восемь лет. В одном отряде срок мотали, – торопливо шептал пьяный оружейный мастер, когда Щавель спросил, что за христарадник приблудился с ним «На стрежень!» посередь ночи. – Семейник мой, из одной шлёнки ели. Бежали вместе. Не могу его бросить.

Старый лучник бесстрастно выслушал горячечный бред Лузги. Боярину было приятно смотреть, как тот перед ним извивается.

– Из самого Джезказгана утёк? – только и сказал он. – Хитёр.

– Живуч как пёс, собака драная. В Семипалатинском монастыре отлёживался, на радониевых водах целебных, – нёс Лузга напропалую, лишь бы не упустить нить внимания, по-

тягивая за которую, он надеялся вытащить положительное решение. – Попустило его с кичевого образа жизни. Он там молился и постился, а иногда слышал радио «Радонеж»!

– Сие чудо, – прошелестел Щавель, глядя на оружейного мастера пустыми глазами.

– Чудо же, тля буду! Чёрный в монастыре подвижником стал. По Полигону ходил. Лазил по верёвке в Свечение. Святой человек, я тебе в натуре говорю. Однажды по случаю зацепил в реликварии отвёртку из эпицентра. Говорит, они друг другу сразу понравились.

– Небось, сама выбрала, как всякая волшебная вещь, наделённая свободной волей? – как бы невзначай пробил Щавель.

– По мнению, – тряхнул головой Лузга. – Доказано тем, что отвёртка непостижимым образом оказалась на кармане, когда Чёрный уматывал из обители.

Это была его самая мирная речь, которую Щавель слышал за весь поход. С косорыловки Лузгу развезло в зюзю. Глаза оружейного мастера съехались в точку, зелёный гребень свисал на ушах, нитки из старого свитера торчали дикобразно.

– Если у него само собой что-нибудь без моего разрешения на кармане окажется, покараю, – предупредил Щавель. – Так и передай ему.

– Берёшь? – захотел услышать последнее слово Лузга.

Щавель сразу решил, что уркаган, сумевший не сходя с места расправиться с тремя архаровцами, в Проклятой Руси

пригодится.

– Будешь должен, – сказал он.

– Я и так всем должен, а светлейшему вообще по жизни, как земля колхозу.

– Будешь должен лично мне, – сказал Щавель. – Не деньгами, поступком.

Что-то колыхнулось в душе и мороз пробежал вдоль хребтины, но Лузга, отказываясь от чего-то жизненно важного, чего не мог вспомнить, сделал лёгкий выбор в пользу сиюминутной выгоды, дабы прямо сейчас не чувствовать вины перед бывшим семейником.

– Согласен, – сказал он.

Вот и сейчас, подвалив и нахраписто обозначив своё присутствие, Лузга старался загладить сожаление от свершённой по пьяни глупости. Пусть благородной, но судьбоносной.

– Аля-улю, Чёрный, – подмигнул он. – Занимай места согласно купленным билетам. Ты за коня и сбрую в ведомости расписался?

Чёрный только кивнул и продолжал втолковывать Михану:

– Помни вчерашнее. Лучше залупаться, чем озалупливаться, ты сам должен был это давно прорюхать.

– Да знаю я, – тянул Михан.

– Хочешь в Новгороде жить, имей лисий хвост и волчьи зубы. У тебя их сейчас нет, придётся отрастить.

– Понял уже, – бодрился молодец. – В дружине жить – по-волчьи выть…

– И кусать первым! – ввернул Чёрный.

Тонировка его бурого лица, светлее к середине и темнее к ушам, свидетельствовала, что он иногда умывается.

– Пёс ты, – завистливо сказал Михан. – Жаль, раньше не познакомились, когда я в поход собирался.

– Удачи тебе в нелёгком деле мусороведения, – пожелал беглец из Джезказгана. – И помни, что законопослушание в нашей стране обходится дороже правонарушения.

На прощание Михан с Жёлудем разругались в пух и прах.

– Ну… давай прощаться, – невпопад сказал Жёлудь.

– Не прощаемся, – скривился суеверный Михан. – Какой-то ты конченный.

– А ты, эффективный.

– За базаром следи!

Оскорблённый в лучших чувствах, сознавая свою неправоту и ещё пуще досадуя от этого, молодой лучник пожелал другу детства взлёта по карьерной лестнице.

Молодец обозвал его дурнем и обещал дать то, чего у него отродясь не было.

Жёлудь не испугался и в ответ понадеялся, что после добровольно-принудительного посвящения Отцу Небесному его канонизируют в Новгороде как святого Михана Засранца, покровителя страшащихся боя.

Михан, едва сдерживаясь, чтобы не залепить оплеуху, по-

советовал срочно раздобыть эльфийские уши – на счастье, засолить и носить в женской сумочке Даздрапермы Бандуриной, чтобы басурмане не сомневались в чистоте происхождения, предъявлять по первому требованию, надевать на тесёмочке и кричать осликом: «Иа-иа!».

Жёлудь дал рекомендацию вступить в «Единую Россию» и нагадал руку помощи, которую протянут кандидату товарищи по партии, чтобы помочь взойти на Горбатую гору.

– В таком случае, куда уд, туда и ноги, в добрый путь! – вспыхнул Михан.

– И тебе не хромать, Ранний. Желаю семь футов пеньковой верёвки на шее! – Жёлудь надменно отвернулся и пошёл как от запомоенного места.

– Следующая наша встреча будет последней! – в сердцах крикнул Михан и застыдился такого порыва.

Новгородцы смотрели на тихвинцев с выражением удивлённого порицания. Дескать, что это горячие ингерманландские парни разошлись? Но никто не знал, почему они разошлись и как сойдутся.

Михан занял место в десятке Скворца и растворился средь ратников. Жёлудь чуял, что он есть, и ощущение, где он есть, осталось при нём, когда он проходил мимо командного состава.

– Приглядывай за ним, – дал старый лучник наказ Скворцу. – Михан далеко пойдёт… Если не остановить.

– Обещаю лично, – щёлкнул каблуками десятник.

Пожав ему руку и разрешив вернуться в строй, Щавель обратился напоследок к караванщику и начальнику конвоя.

– Сразу по прибытии в Великий Новгород ты не забудешь отправить Мотвила ко мне на двор, – малость вкрадчиво, так что только лёгкий морозец пробежал по загривку знатного работорговца, напутствовал он. – Мотвил не потеряется по дороге, не убежит, не улетит, отведя охране глаза, и не растворится в воздухе. Кристаллы Силы я вырезал из его тела. Теперь они у меня, – Щавель похлопал себя по груди, где в мешочке с часами «Командирские» хранились волшебные камни. – Мотвил живой и во здравии будет доставлен в Тихвин и передан лично моему старшему сыну Корню.

– Даю слово! – поспешно заверил Карп, у которого скрутило в животе.

– Желаю доставить светлейшему князю имущество без потерь.

Карп скрипнул зубами, справился с позывом и напоследок отыгрался:

– Будешь переправляться через Волгу, боярин, следи за собой, будь осторожен. Знай, что добро не горит и не тонет. Не бери вёсел, когда предложат, пусть медведь работает. Держись крепче, при мне сыгравшего за борт укусила королевская вобла, и его не сумели вылечить от пивного алкоголизма. За перевоз не плати ни серебром, ни золотом, ни медью и ничего не обещай.

Щавель принял к сведению наставление коренного волга-

ря и перевёл луч внимания на сотника, отчего тот посвежел.

– У тебя отличная сотня, – сказал он. – Верю, ждёт вас в Новгороде респект и уважуха. Жаль, мало порядку на Руси навели! Но дела, дела. Железная Орда ждать не будет.

Литвин вздохнул. Закусил ус.

– Будет приказ, отыщем вас и в Орде, и у чёрта на рогах. Тебя легко найти по следу, боярин, – выложил он. – Твой путь можно легко определить по свежим могилам и новым кладбищам.

– Врагов надо убивать, – заставляя прислушаться, прозвучал голос ингерманландского наместника князя Святой Руси. – Убивать, и тогда они обязательно кончатся. А когда нет врагов, не бывает войн. Поэтому нет ничего лучше вовремя выпущенной пули, сила в ней поистине чудотворная. Помни об этом, сотник. Кто-то должен быть железной метлой государства. Только мы. Не думай о других, это наш хлеб.

Литвин потупился, молчал, не выдержав взгляда Щавеля.

– Удачи в Великом Новгороде. Воевода Хват зачтёт тебе в заслугу «медвежат» и Москву, и Спарту, и помощь в Великом Муроме. Нареканий к тебе нет. Благодарю за службу.

– Служу Отечеству и князю! – ответствовал сотник.

Он повеселел. В докладе, который Щавель вручил в запечатанном свитке для передачи князю Лучезавру, Литвин прорицал всяческие лестные для себя рекомендации.

– Желаю поохотиться, – попрощался он. – Ни пуха.

– И тебе ни пера, – отпустил Щавель. – Командуй.

Литвин развернулся к колонне, гаркнул:

– Встать! Шагом марш!

Десятники продублировали приказ на местах. Конвой стимулировал рабсилу, подбадривая зазевавшихся древками копий. Зубастые эйчарки, вьющиеся вокруг пожилого завкадрами с роскошной седой гривой и статусными аксессуарами, включились в работу, натянули поводки, замотивировали рекрутов.

Тяжело ступая, пленники двинулись в дальнюю дорогу, кандалами звеня. Запели песню рабов:

Не печалься о сыне,
Злую волю кляня…

Когда Щавель скрылся, Карп с Литвином переглянулись, и каждый незаметно для другого с облегчением вздохнул.

Глава Шестая

в которой Новое Урюпино оказывается пострашнее Исходного Урюпина, там Щавель легендирует прикид, прикидывает легенду и пьёт пиво с подонками

Щавель не имел охоты гнать коней и предпочёл бы двигаться пешим, но торопил долг. По картам, вычерченным лучшими новгородскими знатоками, он проложил маршрут через леса, чтобы выйти кратчайшей дорогой к Мардатову. Город краем касался поражённых земель, от него было рукой подать до территории ответственности Когтей Смерти.

Старый лучник ехал замыкающим и приглядывался к спутникам. Ватага выглядела как разномастный сброд: четверо человек в несхожем наряде, и каждый держится наособицу. Даже похмельный Лузга трясся на муле и не разговаривал с семейником. Немудрено на первых вёрстах, съедутся – притрутся. Сириус тоже страдал после вчерашнего и мотался в седле как тряпочный. «Собьёт спину коню, – подумал Щавель. – Полнейший доходяга. На своих двоих никуда не дойдёт. Он очень слаб, что сразу бросается в глаза. Из-за этого его не берут в расчёт, и он побеждает, нападая исподтишка и быстро применяя магию. Опасный пёс. Хорошее приобретение. Жаль, долго не протянет».

Семнадцать вёрст до Нового Урюпина одолели часа за

три. Щавель остановил у трактира «Пойдём пожрём и точка». Вывеска выглядела так, словно её придумал одноглазый московский дизайнер: просто, дорого, опупенно. Следовало пользоваться случаем. До Ужовки, в которой собирались заночевать, оставалось двадцать пять вёрст – путь слишком долгий, чтобы одолевать его на голодный желудок.

На крыльце их встретила тощая бабка в застиранной рванине и драном сером платке, завязанном на лбу. Концы платка торчали рогами кверху.

– Мир тебе, Плесень, – приветствовал её Чёрный.

– А-а, Сириус Ясный Сокол! – встрепенулась бабка. – Сношать мои пустые зенки! Откуда копыта, ты ж безлошадный по жизни?

Соседство с посёлком разбойников было не таким уж дальним.

Сириус не снизошёл до объяснений.

– Кинуть на кишку есть чо, прошмандовка старая? – прохрипел он с седла и закашлялся.

– Тебе лишь бы утробу набить, глиста ненасытная. Кто это с тобой?

– А ты для кого интересуешься? Люди.

– Чёрного кобеля не отмоешь добела, – рассудила Плесень, не дождавшись информативного ответа. – Проходите, гости дорогие. Хозяин заждался ужо.

Щавель подъехал к коновязи. Спешился в расквашенную глину. Подошва правого сапога с чавканьем прилипла к суб-

страту и осталась в нём, едва лучник отодрал ногу.

– Сынок, возьми мой сидор, – ледяным тоном распорядился боярин. – Лузга, присмотри за лошадьми, Жёлудь тебя сменит.

Он бережно вытащил сапог из бурой каши. Подмётка отстала до самого каблука и держалась на соплях. Приволакивая ногу, Щавель вошёл в пустой трактир, поздоровался с вышедшим навстречу мужичком в фартуке, с полотенцем, перекинутым через левую руку, как у великомуромского официанта.

Щавель заказал обед на пятерых и нумер. Поднялся в комнату, Жёлудь нёс вещмешок.

– Сходи пивка выпей, – ревизия личного имущества была слишком интимным занятием, чтобы за ней наблюдали, пусть даже родня. – Позовёшь, когда станут подавать.

Жёлудь деликатно выскользнул из комнаты, прикрыл дверь. Старый лучник опустился на койку, развязал битком набитый сидор. Вздохнул, разулся. Сапоги домашней выделки, разношенные, мягкие, лёгкие, развалились от странствий. Пользоваться услугами обозной телеги не представлялось возможным, и Щавель оставил их на поживу аборигенам, запихнув под койку. Изрядно облегчив вещмешок, вытянул неношенные берцы. В казённое, как он заметил, постепенно переобулись и Жёлудь, и Лузга, и Альберт Калужский. «По башмакам нас и вычислят, – с грустью подумал старый лучник. – Кем ни прикидывайся, а как взглянешь на

ноги, сразу поймёшь – одна команда. В Проклятой Руси сойдёт, а ближе к Орде надо будет переобуться по басурманской моде».

К месту оказалась купленная в Новгороде рубаха. От стирки она утратила парадный вид, но сохранила крепость и покрой качественной одежды. Она хорошо сочеталась с росомашьей жилеткой. Тихвинские портки тоже стоило выкинуть, а надеть купленные в Великом Муроме. Идти далеко, от лишних вещей старый лучник избавлялся без сожаления. Пригодился и камлотный сюртук брусничного цвета. В новом наряде боярина можно было принять за старшину охотничьей артели, наезжающего в столицу и особым образом принарядившегося, чтобы не вызывать насмешек горожан, но вместе с тем не пугать лесных братьев. Таковым он и собирался предстать вместе с сыном, дремучим ловцом, дорвавшимся до столицы, да не требующим маскировки странствующим целителем и парой уркаганов. С уркаганами всё было ясно: суд да тюрьма ничего не исправят, нужен острый топор или крепкая верёвка. Если с одним Лузгой ватага выглядела собранной с бору по сосенке, то беглый узник Джезказгана придал ей завершённости. Теперь это был отряд из ловцов с лепилой и бичами, который искал новый участок для промысла, что не редкость в мордовском краю.

Как оно бывало, в странствии всё само собой устаканилось. Дорога подарила и спутников, и образ. Могла подарить и судьбу, но Щавель надеялся не допроситься.

В трапезной сели за общим столом: Жёлудь по правую руку, Альберт Калужский по левую от боярина Щавеля, Лузга с Сириусом поодаль, игнорируя распоряжение доглядывать за лошадьми. Подали жаркое.

– Крысятина же! – дёрнулся Чёрный, отведав мясца. – Ты чё нам подсунула, Плесень?

Старуху смутить было невозможно.

– Это крысокабанятина, она кошерная! – взвизгнула старая прошмандовка. – Её даже басурмане кушают, потому как она халяль.

– Наблатыкалась, падаль, по-ихнему, – Сириус выбранился. – Не пыжи в понятиях, срань Господня. Крысокобан после Большого Пиндеца из московских метрокрыс и свиней манагерами выведен из соображений эффективности. Нет у крысокабана других достоинств, кроме как жрать что попало и быстро набирать вес. Никакой он не халяльный, один сплошной харам.

Щавель попробовал, отложил ложку.

– В рот не взять, пересолено, – известил он мужичка в фартуке, выглянувшего из кухни заценить, по нраву ли гостям его стряпня.

Мужичок не смутился.

– Я специально так делаю, чтобы другие не ели, всё себе, – быстро ответил он, чтобы никто не задал вопрос о гадком привкусе мяса, который он безуспешно пытался заглушить единственным доступным средством. У него был ещё туесок

с мелкими косточками и чешуёй, но сегодня был скоромный день, и приправа для рыбных блюд не годилась.

– Как же ты голую соль хаваешь?

– Я ем… Давлюсь, но ем, – потупился мужичок.

Над столом повисла тягостная тишь. Жёлудь вспомнил про погрызенную крысокабаном куртку, которую подарила Нюра, вспомнил беспутную девку и разваленный взрывом пролетарский барак. Парню сделалось грустно и почему-то совестливо. Он подумал, что надо было навестить бедняжку перед отъездом, а он так и не навестил. Нюры он почему-то больше не чувствовал – что она где-то есть и как-то живёт. Её ещё до отбытия из Великого Мурома не стало.

– Правильно! – ввернул Лузга, чтобы сбить досаду. – А то оборзели понаехавшие, уд за мясо не считают. Накати-ка лучше в кувшин пивка с горкой, а это унеси. Приятного тебе аппетита и доброго здоровьичка!

Пиво оказалось с подонками. Живое, мутное, оно шибало в нос и даже насыщало, правда, цедить его надо было сквозь зубы, чтобы не заглотить склизких комков дрожжевого осадка и не сблевануть. К нему как раз подошло бы на заедку пересоленное мясо, но было поздно – жаркое унесли по приказу взявшегося распоряжаться Лузги. Посидев в харчевне и заплатив за обед, путники остались голодными. Здесь всё было не так.

– Как они тут живут, в этом Новом Урюпино? – вздохнул Альберт Калужский.

Со своего конца стола мрачно блеснул глазами Чёрный:

– Они сюда пришли из Исходного Урюпина, где ещё до Большого Пиндеца жить стало невмоготу, – Сириус наслушался в посёлке имени Степана Разина, что говорят разбойники о регионе, и теперь охотно делился знаниями, повышая авторитет. Ведь тот, кто владеет информацией, владеет ситуацией, а матёрый зэчара хотел показать, что знает много и оттого имеет возможность использовать многое, не доступное спутникам.

– До чего же безблагодатное место! – покачал пустую кружку доктор.

– Отсюда до Проклятой Руси день ходу, – сказал Щавель.

Глава Седьмая

в которой ночь в Ужовке вступает в свои права и продолжает их до самого завтра, в результате чего Жёлудь даёт обет

Ночевали в яме. Почтовая станция без ямщиков, рёгота и ржанья на конюшне, суеты и духоты, да бесконечного чаепития, обычных для ям Великого тракта Святой Руси, производила тягостное впечатление. Регулярные ограбления почтовых возков заставили великорусское Министерство связи отменить ряд маршрутов в направлении 13 региона и немножко поднять тарифы. Последнее чисто для проформы. Из Великого Мурома разбойники в лесной глуши представлялись помехой навязчивой, но слишком мелкой, чтобы тратить на её устранение финансовые средства, которые можно было использовать в самой столице со значительно большей пользой.

Бессменный станционный смотритель давно махнул рукой на форму и содержание. Ввиду урезанного бюджета выплату жалования задерживали на неопределённый срок, но и спрашивать по службе перестали. Он приколотил над дверью вывеску «Ужо тебе!» и был рад любому путнику, согласному заплатить за кров. От обмундирования почтовика уцелела кокарда, а смотритель давно освоил форму номер восемь

«Что стибрим, то и носим», состоящую из шмотья, оставляемого заезжими разбойниками, когда по забывчивости, когда из брезгливости как хлам. Коротать век да пугаться всякого шороха – вот и всё, что досталось пятидесятилетней развалине с седой головой и слезливыми глазами напуганного старика. Родина обожала хоронить надежды своих сыновей, забирая их себе на службу.

– Жрать давай! – с порога накинулся на него Лузга, почуяв слабину.

Станционный смотритель втянул голову в воротник длинного зелёного сюртука с тремя медалями на полинялых лентах, который носил поверх исподнего, и подался назад.

– Эх, Дуня, Дуня!.. – сокрушённо пробормотал он.

Лошадей пристроили на конюшне под участком сохранившейся крыши. Хозяин слабым голосом известил, что кормить их придётся привезённым с собой – в том году овёс пожгли лихие люди. «И сторожить, чтоб не увели», – подумал Щавель.

Криминалитет высосал некогда большое село досуха.

Большая русская печь хранила тепло, и уже одно это можно было почесть за достижение. Вдобавок, хозяин порадовал, что имеется отварная картошка с обеда, которую он пожарит на сале.

– Крысокабана! – содрогнулся Сириус Чёрный.

Смотритель красноречиво смолчал.

Пока хозяин стряпал, Лузга нырнул в темноту и скоро вер-

нулся, придерживая за пазухой ещё тёплую бутылку косорыловки. Тут же и выжрали противный, отдающий сивухой сучок не первой отдачи. Под картофан станционный смотритель поведал им о своей нелёгкой судьбинушке.

– Жизня не балует тебя удачами, – заметил на то Щавель.

– Жизень – ещё тот прокурор, – цыкнул зубом Чёрный. – Отмерит как отрежет.

Щавель посмотрел на него, беглец из Джезказгана поостыл.

– Эх, Дуня, Дуня!.. – тряхнул седой копной смотритель и принялся исступлённо бродить по избе.

Гости наблюдали за ним как за прокажённым.

– Так и живём, ужо-то, – отвесил он с норовом, самогонка приободрила почтовика. – Куда уж тут шагать с гордо поднятой головой. Чуркобесы кругом, а им поднятую голову легче рубить, и только. Вон, в соседней деревне все шёпотом разговаривают, чтоб соседи ничего худого не услышали, а то враз сожгут. Обычай у них появился друг дружку палить за всю фигню.

Ватажники переглянулись. Сириус только плечами пожал. Заметно было, что он в этой области кладезь знаний исчерпал до дна. Щавель прищурился.

– Деревня русская или смешанная?

– Подчистую русская, а толку? Эх, Дуня, Дуня!..

– Так вы сами палитесь. Никакой хан не приходит вас разорять. Отлично без басурман обходитесь в деле самоис-

требления.

«Кто бы говорил», – Альберт Калужский тихо закрыл лицо ладонью.

– Так-то так, да всё равно житья нет от чуркобесов.

– Вы же их практически не видите.

– Эх, милостивый государь, тебе не понять. Вон, они на днях понабежали на Новый Майдан, кого убили, кого в полон забрали, а давеча ещё другие татаровья на Питомник наехали и тоже тьму народа увели. Тяжкие времена наступили, последние дни. Верю, грядёт Большой Пиндец на наши головы за грехи наши.

Услышав это, Альберт Калужский сотворил двойной фейспалм.

Щавель изобразил покерфейс.

– Иди селиться на Русь Святую, – посоветовал он.

От этих слов почтарь замер на месте.

– Вот ужо! Здесь какая-никакая, а цивилизация. На Святой Руси при лучине жить и лаптем щи хлебать не больно-то охота.

– А здесь ты при чём сидишь? – с ноткой дружеского удивления вопросил Щавель, указав на зашипевший в воде лучинный уголёк. – Да и щей у тебя нет. Что ты знаешь про Святую Русь?

Станционный смотритель тряхнул головой.

– Да я-то знаю, не знаю, знаешь ли ты.

Столько в его словах было укоризны и горького опыта, что

никто не взялся разубеждать, дабы не лишать последнего нажитого.

– Русь не поставишь на колени! – с яростью изрёк Лузга, – Русь ещё никому не удавалось поставить на колени. Лежала и будет лежать!

– А я горжусь своей страной, – тихо и прочувствованно сказал Жёлудь, глядя на огонь лучинушки.

– Чем тебе гордиться-то? – обронил Щавель. – Что ты там сделал? Святая Русь тобой должна гордиться. Заслужи в ней почёт, тогда исполняйся достоинства. От того, что в этой земле твои корни, твоей заслуги нет. Сумей прорасти в неё, стать неотрывной частью Родины, чтобы, как её вспомнят, так сразу вспоминали тебя. Чтобы где ты ступил, там и Русь Святая пришла вместе с тобой. Поступками надо жить, а не выдумками.

Тут то ли огонь ярче вспыхнул, то ли ещё что, но лицо Жёлудя озарилось.

– Русь запомнит меня навек! – прошептал он. – Я не отступлюсь.

Хозяин встрепенулся.

– Едет кто-то, – намётанным слухом ухватил он.

Лузга немедленно сунул руку в котомку, которая постоянно находилась при нём.

Действительно, застучали по земле копыта, забряцала сбруя. Станционный смотритель вышел отворять ворота. Со двора послышались неразборчивые негромкие голоса.

– Милости прошу, милости прошу! – скрипнули петли, дверь ушла во тьму сеней. – Вот же ж, накормить-то вас нечем. Всё пожрали. Эх, Дуня, Дуня!..

– Всё поминаешь? – спросил мелодичный дамский голос.

– Эх, голубки мои ненаглядные. Дочка-то краше матери была. Лучше бы сманил их проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Великом Муроме, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с ходями косоглазыми. Они бы потом и вернулись живыми. Всё ж не достались бы проклятым разбойникам.

На станцию зашли сначала мальчик лет семи с соломенными кудряшками пасхального ангелочка, а за ним стройная женщина, невысокая, с небольшим круглым личиком и голубыми лучистыми глазами. Она была одета в жакет и плиссированную юбку, совершенно не подходящие к странствиям. Смотритель внёс за ними квадратный саквояж и чемодан.

– Здравствуйте, господа, – приветливо и слегка напевно поздоровалась она, приблизившись к столу. – Простите, что мы вас потревожили, но остановиться в Ужовке можно только здесь.

Ватага выпялилась на неё и молчала.

Первым вошедших учтиво приветствовал Альберт Калужский. Затем нейтрально поздоровался Щавель и, обратив мертвенный взор на уголовников, приказал:

– А вы ступайте на конюшню, на пару легче лошадей сторожить.

Лузга поднялся, вытер руки о засаленные портки. Одёжа выглядела столь заслуженно, что годилась в голодный год сварить и накормить большую семью. Бульон из портков удался бы наваристым и с уже включёнными приправами.

– Доброй всем ночи, – простился он с гадкой ухмылочкой и закинул на плечо котомку. – Похряли, Чёрный.

Женщина посторонилась, морща носик от каторжного амбрэ и арго, распространяемых корешами. Когда они вымелись, подтолкнула мальчика к лавке у печи.

– Мы вас не стесним, господа, – молвила она извиняющимся тоном. – Всего на одну ночь.

– Налегке путешествуете? – завёл светский разговор Альберт Калужский.

– Нам много не надо, – легкомысленно ответила дама. – У нас дрожки быстрые и коняшка весёлая. Завтра встанем на рассвете и до темноты будем дома.

– Не страшно одним?

– Да чего бояться, людям нужно верить, – она ловко раскладывала какое-то невесомое тряпьё, не глядя забрасывала на печь, готовя постель. – Не в первый раз так едем. У меня квартира в Великом Муроме, а муж – старший агроном в Ромодановском Махоркосовхозе. Приходится жить на два дома, я к дороге привыкла.

Пробуя на вкус легенду, Щавель представился старшим ловчей артели, дама назвалась Активией Игнатовой, а сына представила Ромой.

– Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? – она ловко порхала от скамьи к столу, зажгла три восковые свечки, и в «Ужо тебе!» мигом сделалось по-домашнему мило. – Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и попросим чаю. Самсонушка, дорогой, сооруди, а?

Хозяин быстренько сгоношил двухлитровый самоварчик. Поставил чашки, блюдца и горшочек мёда.

– У нас плюшки есть, – доставала Активия из саквояжа хрустящие пакеты. – И коржики. Садитесь чай пить!

Мешок из плотной коричневой бумаги с логотипом пекарни «Блю кок» содержал в себе не только плюшки и коржики, но и печеньки. Поминая покойную жену, многострадалец принёс с кухни вместительную вазу синего стекла, в которую высыпали кондитерскую роскошь. На столе появился заварочный чайник, Активия достала жестянку с чаем. Поскольку мужчины выглядели прилично, а доктор был ещё и учтив, дама развеселилась и стала рассказывать, как хорошо живётся на вольном воздухе среди махорочных полей, где все свободны, зажиточны, и даже у самого захудалого крестьянина не менее трёх рабов.

– Я там научилась табак жевать и плеваться, – звонко смеялась Активия.

Она была начитана и тараторила без умолку, однако остановилась, когда Щавель заговорил о лесном краю на берегу Балтийского моря. Он рассказывал, а дама слушала, сплетя пальцы под подбородком.

– В государстве с короткой историей все события великие, – вынесла суждение Активия, когда старый лучник договорил о разгроме басурман в Муромских клещах.

– Когда-то в устье Невы стоял прекрасный город, в котором жили работящие и умные люди. Повсюду в городе возведены были дворцы, набитые сокровищами, и такие гранитные памятники, что многие почитали их за творения исполинов. Не счесть было заморского товара в его лавках – ведь на Русь только через него везли. Но потом по всей Земле люди приняли московские ценности и разучились работать. Тогда настал Большой Пиндец, – спокойно закончил Щавель. – Города больше нет, на его месте плещутся солёные волны. Остались мы, наследующие Ингерманландию. У неё длинная история, и события без исключения все возвеличивают Святую Русь к вящей славе русского народа.

Мальчика уложили на печи. Альберт Калужский, сидя на лавке, убаюкивал сказкой про Люка Бессона, который мало спал, и что с ним через то приключилось:

– Того молодца звали Люком. Нормальное имя человека из города старых времён. Люк – это такой провал в преисподн-

нюю, которых в старых городах до сих пор встречается немало. И вот, попал этот Люк на летающей лодке в Нижний мир. Нижний мир был одно большое болото. Идёт Люк по лесу и видит большое дерево, а под корнями у дерева яма. Заглянул он в пещеру, а это не пещера, а самая настоящая избушка – столик, стульчики и даже окошко со стеклом. На столе еда. Отведал Люк пищи мёртвых и слышит голос. Явился ему демон, маленький, зелёный, зело пакостный. Демона звали Йодом – как лечебное зелье, вельми жгучее. Стал этот демон Люка уязвлять. Глаголом жёг, как напалмом, и всяческим прилагательным. Ездил демон у Люка на шее, и непросто было скинуть тварюгу, потому что был он силён. Волшебной силой мог большой камень в воздух поднять и лодку из болота вытащить, ибо магистром Йода он был…

Улеглись заполночь, но почти не смыкали глаз. Мальчик ныл: «Писать хочу». Активия шептала: «Не ходи, там мутные типы месятся на ножах». И тогда мальчик плакал: «Боюсь, боюсь». А чуть погодя опять хныкал. Так прошла ночь.

Спозаранку, едва начало светать и возня под окнами улеглась, мать с сыном сели в дрожки и уехали. Пришёл Лузга, дрожа как цуцик, залез на печку отогреваться.

– Кто там с кем у вас резался? – спросил Щавель.

– Да так, лёгкий спарринг с командой юниоров. Враг бежал, жертв и разрушений нет.

К семи часам раздуплились. С конюшни возвратился Сириус, целый и невредимый, сели чаёвничать.

– Чего-то я в жизни не понимаю, – сказал Альберт Калужский. – Одна с младенцем, из Мурома, через лес за триста вёрст катит на табачное поле.

– Пару раз за лето в оба конца проезжает, – станционный смотритель, волоча ноги, заносил дрова, со звоном ссыпал за печь.

– Дура она, свиристелка, – Чёрный навалился на коржики и мёд, жадно чавкая. – Я её базары слышал. Есть такая птица, живёт на ивах, называется наивняк.

– Зато у неё богатый внутренний мир! – возмутился Жёлудь.

Тут заулыбались все присутствующие.

– Сынок, эльфов здесь нет, – напомнил Щавель. – Богатый внутренний мир оценить некому.

– А как же агроном? – напомнил Лузга, который тоже ночью подслушивал.

– Агроном, сдаётся мне, большой оптимист, – вздохнул Альберт Калужский.

Барышню видали ещё раз. В трёх верстах от Ужовки её нашли в канаве вместе с мальчиком. Ни дрожек, ни багажа, карманы вывернуты. На ноздрях и посинелых губах мухи отложили яйца.

– Теперь понимаешь, сынок, сколь безвинно мрут люди в неохотном краю? – сухо спросил Щавель. – Только регулярная охота на мразь, как в Ингерманландии, сделает людей свободными и позволит мирно ездить даже барышням без

сопровождения. Чем больше насилия законного, тем меньше насилия беззаконного.

– Вернусь и сделаю всё, чтобы Святая Русь мной гордилась, – поклялся Жёлудь. – Буду вешать и стрелять, и судить по понятиям.

Глава Восьмая

в которой рубеж Великой и Проклятой Руси переходит группа под руководством командира Щавеля, и начинается поистине страшное

Лес на границе Великой и Проклятой Руси был общий, и саму границу никто не охранял.

Пограничный идол Гаранта и Супергаранта подгнил и накренился. Потемневшую старую древесину тронуло благородной патиной. У земли столп окутывал густой мох. Лузга спешился, обошёл изваяние, обозрел пристально.

– Смотри, какой идол неизгаженный, – заценил он.

– Нет интеллигенции – нет вандалов, – молвил Щавель и тронул коня. – Некому выцарапать похабное слово на лике святыни. И ты не тронь, дабы не уподобиться.

Лузга, который занёс для пинка ногу, одновременно расстёгивая мотню, сдержался и вернул обе конечности в исходное.

– Да не уподоблюсь им вовек, – ружейный мастер высморкался в сложенные лодочкой ладони, пригладил с обеих сторон зеленоватый ирокез.

Не затворяя мотню, вскарабкался в седло. Мул пошевелил ушами и без понукания почапал за лошадьми.

– Командир дело говорит. Чё ты как непотушенный хаба-

рик в кармане ватника? – Чёрный оборотился к семейнику, когда они оказались рядом. – Живи кем жил, а то будут потом вопросы на пересылке.

– И чо? – ощерился Лузга.

– Уд через плечо, и на охоту. В Проклятой Руси нет интеллигенции.

* * *

В стерильной мастерской валялось навалом всякого инструмента, но из-за полутьмы разглядеть его было почти невозможно. На верстаке лежали большие и маленькие паяльники, виднелись капли припоя, там и сям раскиданные обрезки разноцветных проводов и жести. В углу стоял сверлильный станок.

Под верстаком громоздилась гора распотрошённых розовых зайчиков. Энерджайзеры из ихнего нутра перекочевали в блок питания массивного металлического человека, сидящего в кресле. Человек был не весь из металла, местами проглядывала плоть, заскорузлая от крови. Вместо левого глаза торчала вживлённая видеокамера, крепления охватывали часть лица, заросшего густой чёрной бородой. Челюсти были железные.

Робо-человек дёрнулся в кресле. Полумрак мастерской прорезал красный лазерный луч.

– Ожил! – восторженно взвизгнул кореец, наблюдавший

за пациентом из-за поляризационного стекла.

Робо-человек задвигался. Мягко взвыли сервомоторы. Конечности поднялись и опустились. Внезапно конструкция оказалась на ногах. Её высокоэнергетическая начинка позволяла двигаться с неуловимой глазу скоростью.

Кореец не успел отпрянуть, когда стальной кулак пробил стекло и разнёс ему череп.

* * *

Когда Ахметзянов снова стал быть, реальность не показалась ему сказкой. Скорее, она была похожа на постапокалиптический роман.

«Когда умрёшь, вроде не должно ничего болеть, но почему же так больно?» – такой оказалась первая мысль, которую словно кто-то вложил ему в голову.

Последнее, что помнил мародёр, был пилон незапитанной ЛЭП, которую он обнаружил в лесу под Миассом. Гайки на опорах открутили, пилон зачалили тросом и дёрнули трактором. За спиной Ахметзянова пыкнула и зашипела газосварка, пилон накренился, как падающее дерево, и начал заваливаться, медленно, а потом всё быстрее.

«Нагрели Чубайса!» – ухмыльнулся Ахмет, но тут в воздухе мелькнули оборванные провода и чубайсовым кнутом наказали мародёра.

Олигарх передал расхитителям капиталистической соб-

ственности сногсшибательный привет.

– Это что же я? Где же? – пробормотал Ахмет и не узнал собственного голоса, такой он был хриплый, словно с тяжёлого бодуна.

Он шевельнулся, но тело не слушалось. Периферия просто летала, и от этого становилось жутко. Вдруг стало ясно, как правильно двигаться, будто подгрузили драйвер. Вовсе не требовалось напряжения воли, достаточно было представить, что надо делать, и тело само всё делало. «Тело знает, как правильно», – подумал Ахмет, но, увидев в зеркале своё новое тело, безмолвно взвыл: – «Пидоры! Что вы со мной сотворили, твари?!»

Ближайшая тварь пряталась за зеркальной стеной, и Ахмет не стал спрашивать, кто она и зачем это сделала. Ярость вспыхнула и погасла. Осталось разбитое стекло, труп с разможжённой башкой и жадный, стремительный интерес ко всему окружающему.

* * *

Русская курямцэ услышала топот, от которого дрожали стены, словно по корпусу ходил оживший паровоз, но не испугалась, а продолжила своё дело. Щёки больного порозовели, дыхание выровнялось. Жизнь полицая из Киева теперь была вне опасности. Когда в палату заглянуло железное бородатое чудовище, русская курямцэ уже была целиком на

этой стороне. Возилась с тазом и тряпкой, как ей полагалось по должности. Робо-человек смерил ничего не выражающим взглядом единственного живого глаза урысскую поломойку и рванул по коридору дальше, туда, где находился пост охраны и собранные по тревоге чизела изготовили к бою оружие.

* * *

В зимнем лесу Ахмет ловил кортларов. Кортлары выли и дохли. Он складывал их штабелями, а потом ел. Тело нуждалось в пище. Новая конструкция позволяла кормить тело про запас. «Тело знает, как правильно», – рассуждал робо-человек и продолжал охоту. Когда кортлары кончились, Ахметзянов со мстительным упоением вспомнил кое-какие не отданные долги.

* * *

За окном полыхнуло ещё раз, до самого неба. Курбаши Магомедыч забился под стол, не попадая трясущейся рукой по затвору хеклер-коха. Интуиция старого участкового советовала не высовывать носа на улицу и вообще высовываться как можно меньше. Как-то совсем пронзительно и обречённо заорала во дворе жена, третья, молодая совсем, характер склочный, туда ей и дорога, а ну вдруг – к счастью? В животе

Магомедыча скрутился ледяной ком и меж ушами просквозила струйка надежды, что, может быть, всё само собой образуется, затихнет, а когда рассветёт, можно будет вылезти из-под стола, выйти на двор и, как ни в чём не бывало, приступить к хозяйственной возне. Ну, разве что трупы убрать. Да это ж милое дело!.. Это мы запросто…

Реальность вернулась с треском слетевшей с петель двери. Изба содрогнулась, когда в дом вошло что-то огромное и жуткое. По комнате пронеслась тонкая красная линия.

«Лазерный прицел!» – машинально отметил курбаши. Живот скрутило совсем уж неимоверно, но это было только начало, потому что знакомый голос насмешливо произнёс:

– Хайирле ирта, Исмаил Магомедович. Кончай бешбармак метать. Вылезай из-под стола, я тебе тапочки принёс.

Перед носом курбаши шлёпнулись чудовищного розового колера резиновые сланцы, к которым егозой были примотаны уши всех его жён – он узнал их по серьгам. Из живота Магомедыча через низ рванулся вечерний бешбармак, и Магомедыч не потрудился его задержать, хотя доподлинно знал, что с усвоенным бешбармаком его покинет разум, что это разум и есть, а жидкой массой он только кажется.

И сидящий под столом курбаши села Вениково засмеялся.

* * *

«Телу без тела нечего делать в этом суетливом мире», –

подумал Ахметзянов, тупо, как робот, шагая по заснеженной дороге. В манипуляторе он нёс подобранное в Вениково двуствольное ружьё. Зачем? На водку поменять? Этого не знал даже он. Он вообще ничего теперь не знал, а только думал.

«А телу без долгов в этом мире делать тем более нечего», – так он размышлял, пока чуткие сенсоры не различили взрёвывание движка, газующего в заметённой колее.

– Хаммер, – подсказало что-то внутри головы, и Ахметзянов кивнул в знак согласия – пусть будет хаммер, ему-то какая разница.

– Постоянный полный привод, – снова подсказало что-то. – Хаммер-два, чёрный, движок бензиновый, инжектор, шесть литров, триста двадцать лошадей, коробка-автомат, левое крыло битое, растаможен.

– Не надо, – прошептал Ахметзянов.

– Всего пятьдесят четыре тысячи девятьсот девяносто девять долларов, – настойчиво подсказало что-то внутри головы.

– Не надо, – снова попросил Ахметзянов. – Мне это не нужно.

Голос умолк. Не надо – значит не надо.

Когда из-за поворота вынырнул действительно чёрный Hummer H2 (бензиновый движок, шесть литров, триста двадцать лошадей, растаможен), тело отреагировало без участия человека. Из вскинутого ствола стегнуло пламя, хаммер (6 л, 320 л/с, растаможен) нелепо завернул мордой в снеж-

ный борт кювета, осыпав капот крошкой лобового стекла. Почти без паузы открылась правая дверь и на дорогу выпрыгнула невысокая крепкая женщина в голубом пальто, нарядная, но пожилая.

– Ты что же, сука, делаешь? – заголосила она, ковыляя по снежной целине к Ахмету. – Ружьё купил, думаешь, творишь чего хочешь? Ты соображаешь, на кого руку поднял, скотина?

Баба была не дура, она вполне нормально свихнулась, причём ещё до всего этого – задолго, вскоре после свадьбы, но перед родами, когда поняла, что залетела и теперь вполне обоснованно садится мужу на шею. Сила так и била из неё. Баба пёрла, как асфальтовый каток, она была смертельно опасна, и у безоружного человека шансов против неё не было.

Ахметзянов навёл на неё сетку прицела, стремительно подвёл ружьё срезами стволов к бровям, почти коснувшись набегающей сквалыжницы, и спустил курок. Бабе снесло полбашки, картечь сорвала платок, крышку черепной коробки, в воздух взлетели седые волосы.

«Совершенно нет мозгов», – удивился Ахметзянов и, когда понял, что способен удивляться, удивился ещё больше.

Робо-человек обошёл хаммер (H2, чёрный, левое крыло битое, лобовухи нет, 54999 долларов), дёрнул ручку с водительской стороны, позволив вывалиться телу. Со стрелковым удовлетворением отметил, что от башки остались одни

челюсти. С мародёрским удовлетворением отметил, что челюсти золотые, немедленно выдрал оба моста, но так и не нашёл, куда их пристроить на своё новое ладное тело – в нём совершенно не предусмотрели карманов – и пока отложил на капот. Содрал с трупа почти чистый малиновый пиджак. Стащил с запястья «Омегу», с шеи «Кардинал».

– Ёбуржцы понтовые, понаехали тут, – с деревенским удовлетворением пробормотал он, – а мы не пальцем деланные! Ага, вот и подгон, – Ахметзянов ухмыльнулся, заметив на заднем сиденье мешок. – Ладно, старый, щас я тебя загрею.

Теперь он чётко знал, что нужно делать и куда идти.

* * *

– Салям, Шамиль-абый! – Ахметзянов вошёл на веранду и, повинуясь безмолвному знаку, вежливо присел рядышком с потягивающим чай стариком.

– Как ты изменилс, улым, – Шамиль даже не открыл глаза, только шумно прихлёбывал из чашки. – Мъасск санчасть лежал, да?

– Да, – выдавил Ахмет внезапно севшим голосом. – Как узнал?

– Сам как думшь?

– Ну, это… Вроде как заметил кардинальные перемены во внешности, да?

– Что такой внешнсть?

– Ну, как его… – забуксовал Ахметзянов. – Типа облик человеческий.

– Не, облик это вроде как Умэ, а человеческий – это твой моральный облик, только он теперь не человеческий.

Ахмета прошиб масляной пот.

– Как не человеческий?…

– Он теперь у тебя робо-человеческий. Ты попал в Мъасск санчасть, и фашист сделал из тебя робоцып. Утратил ты свой человеческий облик, улым, – беззлобно сообщил старик. – Потерял, когда линию электропередач снёс на металлолом. К нам в село Чубайс хотел электричеств привести, линию поставил, а ты её свалил. Нет теперь электричеств, савсем нет. Не тилявыср, ни дом-два, ни футурам. Говорят, нескоро теперь будт.

Ахмет замер. Запылали щёки и лоб. Из единственного глаза, в котором светилось красным лазерным светом что-то человеческое, выкатилась слеза.

– Ой и крыса же я! – с размаху треснул себя кулаком по лбу. – Какой же я гад! Правильно баба говорила. А я её картечью в упор… Сука я, в натуре, крыса последняя! Шамиль-абый, я… Вот мосты золотые принёс, лопатник, рыжьё ещё и котлы «Омегу». Я… мы тебе генератор купим и соляры бак. А электричество потом наладим, никуда Чубайс не денется.

Шамиль незаметно сходил на ту сторону, и робо-человеку сразу полегчало.

– Улым, денг есть – тилявыср не надо, айда в «Ашан» арак ашать, земля валяц.

– Может, сначала того, по пивку? – не совсем уверенно предложил Ахметзянов, уже по ходу базара начиная понимать, что порет косяка.

– Айда, улым, – терпеливо повторил старик.

* * *

«Приснится же всякая ерунда, – хан Беркем сел на диване. Комнатка отдыха за кабинетом выглядела скромно для президентского дворца. – Давно не видел такого заковыристого бреда».

Он тяжело поднялся, сунул ноги в туфли, дотянулся до френча на кресле, вытащил пачку папирос и коробок, закурил. Бесконечные совещания последних дней превратились в совершенно немыслимый головняк, и президенту Северной Центральной Азии предстояло в ближайшее время проводить их всё больше и больше, пока проблема со смутой и перерывом строительства железной дороги в Великой Руси не разрулится. Накопившаяся усталость уже давала себя знать в сновидениях.

Но сейчас было чувство, будто что-то произошло. Нечто, имеющее кардинальное, основоопределяющее значение, и губительное.

– Как ты изменилс, улым, – негромко повторил хан Бер-

кем, подавился дымом и закашлялся.

Глава Девятая

в которой страшный кабан притесняет селян, а селяне нанимают для защиты странствующих воинов за кормёжку полбой

– Господи, Боже наш, Отец Небесный! – вырвалось у Альберта Калужского.

Доктор отступил от растерзанных останков, разбросанных по окровавленной поляне, истово очерчивая возле груди святой обережный круг.

– В чьём разумении… Кому под силу сотворить такое? – практикующий целитель не пугался человеческих внутренностей, но имел особенность принимать обстоятельства близко к сердцу.

Ватага спешилась и, поручив коней Лузге, бродила среди растащенных вдоль дороги объедков. Зрелище было зело чудное даже для видавших виды охотников.

– Многие животные разрывают трупы во время еды, – явил школьные познания Жёлудь.

– Я тоже разрываю, – услышал его оружейный мастер. – Ты мне только дай жареную курицу, проведу тебе мастер-класс.

– Это крысокабан насвинячил, – молвил Щавель, и все взгляды обратились на него. – Ему всё в пищу годится. Он

даже мослы грызёт, чтобы добраться до костного мозга, оттого крысокабана и в неурожайный год ничем не выморишь.

Старый лучник присел, приложил пальцы к следу.

– Крупный.

Поднялся, двинулся короткими зигзагами, всматриваясь под ноги. Опустился на корточки, потыкал дланью в траву, понюхал, лизнул.

– Свежий, – заключил он. – Мускусом разит. Матёрый самец похозяйничал. У него сейчас гон.

– Весной же период гона? – с хмурым недоверием спросил Чёрный.

– У нормальных зверей весной, а у мутантов в любой момент может начаться.

– Думал, крысокабаны только трупы жрут. Оказывается, они ещё и на людей охотятся?

– Мелкие нет, а так-то все на людей охотятся, – отрешённо сказал старый лучник.

– У меня была куртка, в которой владельца крысокабан погрыз, – не удержался Жёлудь, осторожно поддевая носком сапога оторванный от хребтины рёберный пласт с волочащимися огрызками мускульной ткани.

– Кстати, где она? – спросил отец.

– Подарил, когда ходил в увольнение.

– Отняли?

– По доброй воле отдал.

Щавель не стал уточнять.

От Ужовки, найдя в канаве Активию с сыном, они свернули на ближайшей развилке к северу, доехали до старого тележника и по нему двинулись направо. На карте был отмечен длинный лесной массив. Он тянулся на восток, расположившись в широкой низине, куда стекали вешние воды. «Восемьдесят вёрст через лес тут или двести с лишком, если идти по большой дороге через Ромоданово», – старый лучник ещё раз сверился с проложенным маршрутом. На самом деле ему хотелось не столько срезать путь, сколько без крайней надобности не выходить в степь, где могут издалека заметить, догнать и подстрелить. Командир счёл встречу с женой агронома дурным знаком и без колебаний нырнул в чащобу. Но чем дальше углублялись в Проклятую Русь, тем дурнее делались знаки.

Серенький суглинок, весёлые сосны, кудрявый подлесок. Если выскочит зверь, моргнуть не успеешь.

– Почему он такое творит? – с тревогой спросил Альберт Калужский.

– От злобы лютой. Если в крысокабане соки забродят, он сам себя не помнит и кидается на всё, что шевелится.

– Гормональная система нестабильна, – вздохнул доктор.

– Когда у него случается гон, крысокабан даже людей не боится. Может напасть и съесть.

– Но сначала огуляет, – скабрезно добавил Лузга и хрипло заржал.

Жестяным протяжным рёвом ему вторил мул, мотая го-

ловой и дёргая упряжь. За время похода они спелись.

– По коням, – скомандовал Щавель. – Ночевать под крышей будем. Всего ничего осталось до Барахманского лесничества.

Ночь. Чёрная, душная, злая. В избу набились мужики, режет глаза махорочный дым. Никому на месте не сидится, ёрзают, каждый хочет всунуть свою историю первым. Разговор о нападении крысокабанов на крестьян. После каждого рассказанного случая подымают тост. «За здорово жилось!», «За всё прекрасное!», ну, и «За рыбалку!», естественно.

Щавель знал: всё, что говорят мужики, – чистая правда. Сегодня привезли ещё одного потерпевшего. Живого. На искусанных губах корочкой застыла кровь. Глаза прячет.

– Шестьдесят восемь ран, – вышел из сарая, наспех обустроенного в смотровую, Альберт Калужский. – Шестьдесят девятая – порванная прямая кишка.

Как это случилось, никто из доставивших раненого не знал. Сам потерпевший говорить отказался. Но были и немые свидетели – наколка в виде петушиного перстня, синяя мушка над верхней губой. В Мордовии много зон, а в лесах много беглых.

Тринадцатый регион был населён специфическим контингентом.

– И его крысокабан? – спросил Жёлудь.

– Этому блатари устроили правилку.

Как бы то ни было, в домик Барахманского лесничего стя-

нулись беспокойные мужички из-за речки – с Папулёво, Береговых Сыресей и Селищей. Мужики хоть и жили на степном берегу Алатыри, но в лес частенько наведывались по неотложным делам и были всерьёз озабочены разгулом матёрого вепря. Особенно беспокоились собиратели галлюциногенной чаги, у которых сезон оказался под угрозой срыва.

– Где же сам Барахманский лесник? – спросил Щавель у хозяйки, едва ватага подъехала ко двору.

– Ушёл к командиру Гомбожабу, – баба утёрла краем фартука набежавшую слезу. – Побрёл Когтям Смерти долг отдавать, родимый.

– И давно? – Уход лесничего мог ничего не значить, мало ли каких дел может найтись в Когтях Смерти, но если был призыв…

Наместник светлейшего князя в Проклятой Руси готовился к войне?

– Почитай, со Дня Победы. Весточку прислал, что задержится.

Это была мобилизация. Не тотальная (провести мобилизацию всех мужчин призывного возраста в проклятых землях не представлялось возможным), но скликать посвящённых командир Гомбожаб понапрасну не станет.

Будет война.

Светлейший князь не только наводил порядок на Святой Руси, но и готовился нанести удар по Орде с сопредельной территории. Если в ответку басурмане подвергнут её разо-

рению, не жалко. Проклятая Русь с Большого Пиндеца была диким полем.

«Четверть века планомерно развивать буферное государство между двумя сильными неприятелями и превратить его из степи с очагами бандитизма в организованный ад грубой силы, да ещё собирать дань – поистине гениальный ход. Велик светлейший князь Лучезавр!» – подумал Щавель.

Гудёж в доме лесничего по случаю прибытия ватаги охотников принял новый оборот, когда через порог шагнули покрытые дорожной пылью мужички, а с ними витязь и его негр.

– Токмо двоих сыскали, – стал оправдываться перед обществом крестьянин с вечно виноватой рожей и большим слюнявым ртом. – Больше никто не соглашался защищать наши деревни за кормёжку полбой. Все хотели серебра и злата, – он печально развёл руками.

– Эх, ты, ни украсть, ни покараулить, – отвечало ему пьяное и довольное общество. – Опять мы за тебя всю работу сделали. Вон у нас пятеро ловцов! Они согласились помочь, когда мы предложили самогон и девок.

– Самогон и девок? – так и сел мужик. – Чего ж вы мне сразу не сказали, а только про кормёжку полбой? За самогон и девок я бы армию привёл.

– Тебя, дурака, грех не подкузьмить, – радовалось общество. – С нашими ресурсами куды воевать-то? Мы – вона где, а Когти Смерти нынче – вона где, как до Китая пёхом. Тапе-

рича есть семеро профессионалов, довольно. Одолеем зверя – будем жить.

Витязь прошёл к столу, снимая с плеча карабин. Он держался с непринуждённой уверенностью дворянина, с детства владеющего мечом. Ему уступили место. Сел напротив Щавеля, прислонил огнестрел к столешнице. Лицо у витязя было длинное, скуластое, обтянутое гладкой желтоватой кожей, глаза голубые. Русые волосы вились до плеч. Тёмные усики верёвочками, а борода не растёт.

– Хорь Калиныч Падший, дворянин, – объявился он и кивнул на стоящего за спиной негра, опирающегося на ружьё с двумя толстыми стволами. – Моего слугу можно называть Лютером.

– Щавель из Тихвина и сын мой Жёлудь, охотники, – представился боярин, но на Хоря это произвело мало впечатления. – Со мной двое вольных помогальников и лепила.

– Услуги врача не понадобятся, если будем охотиться по всем правилам, – со столичным высокомерием заявил Хорь. – А пока что буду рад отведать после долгого пути обещанной полбы. Мясо на обед мы добудем завтра.

* * *

Рисковать за еду мог подряжаться либо очень богатый, либо очень бедный человек. Дворянин из Великой Руси странствовал по диким землям ради собственного удовольствия.

Помимо слуги (а Лютер был вольный негр, без ошейника) его сопровождал воз, набитый дорожными сундуками, сумками, чемоданами, футлярами, несессерами и биотуалетами.

Такой охотник с негром вдобавок к пятёрке ловцов был для претерпевших от зверя селян редкой удачей. Мужики к делу подошли с воодушевлением, а предложенные девки – с огоньком. Ночевать витязь с оруженосцем отправились в отдельную избу. Ватага осталась в домике лесничего. Встали и собрались затемно. Щавель с Лузгой сидели напротив друг друга, перед ними на столе лежала ветошь, протирки, маслёнка. Чистили оружие, Щавель – АПС, Лузга – обрез и двуствольный пистоль, по калибру и габаритам такой же обрез, только кремнёвый. Жёлудь на залавке перебирал стрелы. Смочив пальцы, разглаживал оперение, брусочком подправлял наконечники. Размотал, осмотрел тетиву. Свернул, убрал в колчанный кармашек. Проверил запасную тетиву. Обе хорошие, из драконового волоса. Парень сплёл их во время сидения в Дмитрове, благо, катушку дакроновой нити выдали по накладной в арсенале Великого Новгорода вместе с прочим припасом.

Лузга шибко шуровал шомполом. Отмерил пороху в каждый ствол, приткнул пыжом. Засыпал в стволы пистоля картечи, забил паклею. Пистоль с пороховницей двинул в сторону Чёрного, который лежал на печи, свесив морду.

– С этим пойдёшь. А то отвёрткой твоей много не навоюешь.

Жена Барахманского лесничего снабдила их дымарём. Оружейный мастер нашёл в кладовке два пыльных мерзавчика из-под городской водки, засыпал из хозяйской банки, держась подальше от открытого огня. Крупные зёрна чёрного пороха звенели о стекло в полутьме. Вставил в пробки по короткому куску запального шнура.

– Возьми, пошумишь, – вручил он гранату Сириусу. – Может, зверя придётся выкуривать откуда-нибудь. Может, встрянем в нехорошее. Не люблю оставаться в чистом поле с голыми булками.

– Не нагнетай, – сказал Щавель. – Крысокабан пуглив, потому что в основе своей он травоядное. Самки и детёныши довольствуются растительной пищей, падалью да случайной живностью вроде птичьих гнёзд, зайчат и оставленных младенцев. Только самцы начинают охотиться. Обычно они подстерегают добычу у водопоя, но могут выскочить из подлеска. Крысокабан – хороший бегун на короткую дистанцию. Он это знает и далеко от укрытия не отходит. Всегда старается заныкаться, по крысиной своей натуре. По кабаньей натуре он скрытен, и при появлении человека старается уйти.

– А что же младенцев-то хавают? – с показной наивностью поинтересовался Лузга. – Говорил же, людей избегают.

– Так то людей, – молвил Щавель. – Они воняют.

– А младенцы, они молоком пахнут, – с умилением дополнил Сириус, протяжно втянув слюну. – Пока от груди не отняли.

– Голый вассер, – веско отрезал Лузга. – Русские не потеют и не воняют. Кто воняет, тот не русский.

– А, например, негр, – сообщил своё мнение Чёрный. – Они хоть и смердят, но у них мясо нежнее.

– Никто вас не сожрёт, кроме вас самих, – сказал им старый лучник как конченым. – Только большие габариты, гормональный всплеск и дурные привычки сделали Барахманского вепря агрессивным. Однако нас будет много, мы будем смело ходить – вы будете смело ходить, – сделал Щавель упор, посмотрев ледяными глазами на загонщиков. – Вы будете орать, бить в тазы и громко шуметь. Крысокабан от вас побежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.